

ЭЛЕН СКОР

Хозяйка
Лавандовой
Долины

Элен Скор

Хозяйка лавандовой долины

<https://litres.ru/74214917>

Аннотация

Попала в чужой мир, в одночасье став вдовой с маленькими детьми на руках, пустой казной и кучей проблем, — нет времени унывать. Хозяйство поднимем, детей вырастим, с внезапно появившимися женихами разберемся. Только отчего сердце так сладко томится возле случайно попавшего в мой замок солдатака?

Взрослая попаданка в юную девушку Уютное бытовое фэнтези
Лёгкая любовная линия

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	53
Глава 6	68
Глава 7	82
Глава 8	96
Глава 9	105
Глава 10	119
Глава 11	129
Глава 12	142
Глава 13	150
Глава 14	161
Глава 15	171
Конец ознакомительного фрагмента.	173

Глава 1

Попала в чужой мир, в одночасье став вдовой с маленькими детьми на руках, пустой казной и кучей проблем – нет времени унывать. Хозяйство поднимем, детей вырастим, с внезапно появившимися женихами – разберёмся. Только отчего сердце так сладко томится возле случайно попавшего в мой замок солдатика?

Экскурсионный автобус плавно притормозил и остановился, дорогу ему перекрыло огромное стадо овец. Я выглянула из окна, глядя на овечьи спины. Казалось, там, на дороге, перекатываются грязно-серые морские волны.

— Остановка полчаса! — объявила молоденькая девушка-экскурсовод.

Туристы радостно загалдели, вываливаясь из автобуса. Поездка по горному серпантину всех немного утомила. Многие тут же поспешили к выставленным неподалеку лоткам с сувенирами, оттуда же тянуло легким дымком и ароматом свежего шашлычка. Но все это меня не интересовало, я увлеченно принялась фотографировать раскинувшуюся чуть ниже долину. Жаль, ракурс перекрывают камни и какие-то лагуны, больше похожие на хозяйственные постройки.

А если подняться вон туда? Я задрала голову на ближайший уступ, в сторону которого вела узенькая натоптанная тропинка. Правда, через несколько шагов наткнулась на протянутую поперек тропки бечевку, на которой болталась выцветшая картонка с надписью «Проход закрыт».

Я воровато обернулась и, перешагнув через табличку, пошла дальше. Чуть выше находилась площадка, огороженная старенькими деревянными перилами. Рядом стояло несколько лавочек и чуть покосившийся столик.

Странно, почему туристов сюда не пускают, вид отсюда открывается просто волшебный! Горное ущелье, изумрудно-зеленая с лиловыми вкраплениями долина и силуэт прекрасного замка вдалеке. Я принялась щелкать кнопкой фотоаппарата, пытаясь запечатлеть всю эту красоту. Подошла к самому ограждению, не замечая открывающегося сразу за ним обрыва.

В кадр никак не хотел попадать белоснежный пик далекой горы, я потянулась, опираясь о деревянные перила ограды. Вот, получилось! Отличное фото выйдет!

Внезапно послышавшийся сухой треск стал для меня полной неожиданностью. Хлипкие, прогнившие от времени перила поддались под тяжестью моего тела, и я со всего маха рухнула с утеса вниз, прямо на камни.

Говорят, за минуту до смерти перед глазами человека проносится вся его жизнь.

А какая она была у меня?

Счастливое детство в Стране Советов, правда, советы больше любили давать бабушки у подъезда. Я родилась в середине семидесятых, когда каждый житель страны был уверен в своем будущем, это будущее расписывали на годы вперед: себе, своим детям, внукам. Мои родители не стали исключением.

Папа преподавал на кафедре прикладной геологии, имел ученую степень и огромную любовь к родным просторам. Мама была учителем биологии в школе. Каждое лето они отправлялись в экспедиции и частенько брали меня с собой.

С детства я привыкла к обществу взрослых, говорящих «заумными» словами. Ничего удивительного, что в шесть лет я с легкостью могла определить, чем отличается полевой шпат от кварца, отлично читала и знала больше сотни названий дикорастущих растений.

Не стоит и говорить, что в школе я была почти круглой отличницей. Единственное, что мне никак не давалось, — это пение и иностранные языки. Но благодаря моим остальным успехам учителя смотрели на это сквозь пальцы. Впрочем, как говорила мама, и без этих навыков можно неплохо прожить, зато она сама прекрасно пела. Я всегда любила слушать, как она, возясь на кухне, заводила: «Лаванда, горная лаванда!» Эта песня для меня навсегда слилась с образом мамы, ароматом яблочных пирогов, крепкими объятиями чуть пахнувшего табаком отца. Чудесное было время!

Несмотря на успехи в учебе, я не была классической за-

учкой и отлично ладила со сверстниками. Хотя, признаться, мне порой становилось с ними скучновато, и я каждое лето с нетерпением ждала очередной поездки с отцом куда-нибудь в Уральские горы или степи Казахстана. Там, рядом со взрослыми, я чувствовала себя среди своих, с упоением таская в лагерь найденные камни или собирая очередной гербарий.

Ничего удивительного, что, получив школьный аттестат, я поступила в институт отца. Там меня по-прежнему окружали знакомые лица.

А страну уже потряхивало, вокруг происходили стремительные перемены, которые поначалу почти не затронули мою семью. Родители были вполне обеспеченными людьми с обширными связями, им ничего не стоило подарить дочери-первокурснице однокомнатную квартиру в довольно престижном районе.

Мама привила мне хороший вкус в одежде, да и сама я считалась довольно симпатичной — неудивительно, что на меня обращали внимание не только мальчишки-однокурсники, которых на моем факультете было большинство, но и мужчины постарше.

Мы познакомились с Николаем случайно, он привез на кафедру свою научную работу, а так как города он почти не знал, меня попросили на время стать его экскурсоводом. Он так трогательно за мной ухаживал: цветы, конфеты, прогулки по парку. А еще он был на восемь лет старше меня и уже дважды женат. Правда, о последнем я даже не догадывалась.

Через неделю он сделал мне предложение, и я с горящими глазами все рассказала родителям. Мама категорически возражала: парень из глубинки, не такого зятя она себе представляла! Отец был не столь категоричен и, увидев слезы любимой дочери, согласился с моим выбором. Единственное, на чем родители настояли, — это не прописывать Николая в мою однушку, за это впоследствии я была им очень благодарна.

Родители организовали нам шикарную свадьбу и, поднабившись, в качестве свадебного подарка преподнесли автомобиль.

Говорят, каждый учится на своих ошибках, чужие советы тут мало помогут. Вот и я не сразу поняла, что моему уже мужу нужно было лишь зацепиться в институте на хорошей должности. Не оставит же профессор своего зятя без работы!

Дела в институте к тому времени шли уже не так хорошо, как прежде. Новой стране не нужны были ученые, тем более геологи. Многие переквалифицировались в «челноков» или продавцов на рынке, продавая ширпотреб, изготовленный трудолюбивыми китайскими друзьями.

Тогда-то Николай и понял, что дал маху: деньги, которые он получал в институте, оказались не столь велики, городской прописки он так и не получил, а жизнь в большом городе оказалась не так уж проста. Полупустые полки магазинов начали потихоньку заполняться иностранными товарами, но институтской зарплаты на них явно не хватало.

Мои родители помогали нам деньгами. Родители Николая приезжали раз в год, привозили несколько мешков картошки, трехлитровые банки с закрутками и охали: до чего я довела их сыночку — кожа да кости.

После очередного такого визита Николай решил заняться бизнесом, ведь некоторые его знакомые уже могли себе позволить пусть подержанную, но иномарку, сверкая на шее толстыми золотыми цепями, что считалось показателем крутости и достатка.

Взяв все наши деньги, он закупил на них говорящие брелоки, хвалясь, что их с руками отрывают. Только уже через несколько дней на него наехали крутые ребята, муж лишился всего товара и двух зубов — за строптивый нрав. Тех денег, что он успел выручить, не хватило покрыть даже половину расходов.

Несколько месяцев он сидел дома, почти не выходя на улицу. Но все забывается, забылось и это, тем более я как могла окружила любимого мужа заботой и пониманием. С деньгами было трудновато, но родители еще помогали.

Второй раз он решил, что бизнес лучше открывать с партнерами, ребятами бывалыми, с понятиями. Не стоит говорить, что его снова кинули, повесив такой долг, выплатить который мы уже не могли. Николая вывезли на свалку и обещали поджечь.

Пришлось снова идти на поклон к родителям. Мама продала все свои украшения, отец — кое-что из домашней тех-

ники, свою мы уже продали. Долг закрыли.

Пустая квартира без телевизора и холодильника навевала тягостные мысли.

— Поехали в деревню! — предложил муж. — Продадим машину, откроем свою птицеферму. Яйца, мясо — вон сколько прибыли. И кормить почти не нужно — курица сама по улице ходит, землю гребет, тем и кормится.

Он даже провел расчеты. По всему выходило действительно прибыльное дело.

За машину, старенькую девятку, на которую не позарились даже «партнеры» Николая, выручили совсем немного, но он ходил такой окрыленный новой идеей, обещая в кратчайшие сроки стать миллионером и купить мне настоящий новенький мерседес.

Я получила расчет в институте, наш факультет к тому времени совсем свернулся за ненадобностью. Мама звала отца в школу — преподавать географию, там пусть немного, но платили.

В деревне я никогда не бывала и представляла себе жизнь там немного иначе. Поначалу, увидев нас на пороге с чемоданом и спортивной сумкой, родители Николая обрадовались, накрыли стол, все честь по чести. Но когда на вопрос «Надолго ли?» сын поведал им свой бизнес-план, они за голову схватились. Именно тогда я начала что-то подозревать, ведь родители-то его лучше знали. То-то, сбавив мне свою кровиночку, они успокоились. А сын взял да вернулся.

Я потом еще много раз слышала в деревне, как его окликали непутевым, но все еще верила в успех его задумки с птицефермой.

Жить мы остались в доме родителей Николая. Правда, он хвалился, что, как только бизнес попрут в гору, построит тут настоящий дворец. Вот только для начала нужен был хоть какой-то курятник. Ладно, с этим помог отец Николая, сколотив кривобокую сараюшку из того, что нашлось под рукой.

На поверку выяснилось, что птица хоть и гребет лапами землю, но предпочитает питаться зерном, а лучше комбикормом. И то и другое стоило денег. Пошли первые яйца, и оказалось, что в деревне продавать их некому — у всех полно своей птицы, а возить в ближайший город — нужна машина, которую мы продали, чтобы купить кур.

Николай договорился с одним деревенским мужиком, и тот стал возить его на городской рынок. Вся забота по уходу за курами легла на меня. Помимо этого, потихоньку работа по дому и огороду тоже перешла на меня. Стоило Николаю отъехать от дома, как свекровь сказывалась больной, загружая меня делами по полной.

Вечером муж приезжал из города, с довольным видом зажав в руке пару бумажных купюр, которые откладывал на развитие бизнеса, а я с ног валилась от усталости и мгновенно засыпала.

С наступлением холодов куры нестись перестали. Тогда Николай решил зарубить их на мясо.

— Купим весной новых, нечего их зиму кормить! — заявил он и снова поехал на базар.

Зима в деревне, когда в одном доме проживают сразу несколько человек, каждый со своим норовом и характером, — испытание не из легких. Свекровь нет-нет да попрекала меня то куском хлеба — ибо я нигде не работала, — то тем, что у меня до сих пор нет детей.

Если первое было поправимо, то второе меня и саму уже беспокоило. Мы прожили с Николаем в браке уже девять лет, а забеременеть у меня так и не получалось.

С работой решилось все просто — я устроилась к местному фермеру, помогала с документами, делала все, куда ни пошлют. Лучше тут, чем в доме со скучающей свекровью. Так пролетела зима, наступила весна, и оказалось, что денег на покупку очередной партии кур нет, их прожили: Николай купил матери новенький телевизор, себе компьютер, в котором муж сутками резался в танчики, и дорогой телефон, ибо бизнесмену со старым ходить несолидно.

Я тогда уже прозрела, понимая, что кличка «непутевый» дана ему не просто так. Но все еще старалась сохранить семью. Вот если бы были дети... Свекровь уверяла, что с ее мальчиком все хорошо, это я ни на что не годный пустоцвет.

И тут до меня начали доходить слухи, что муж погуливает. Да я и сама замечала то накрученный на пуговицу пучок рыжих волос, то темное пятно засоса на его шее. Когда спросила прямо, он и отпираться не стал, повторив слова матери:

пустоцвет, мол, кому ты нужна такая.

Я подала на развод. Развели нас быстро, делить нам особо было нечего, квартира оставалась за мной, хоть свекровь и пыталась оттяпать половину, но мои родители поступили мудро, оформив в свое время дарственную на жилье, Николай там даже прописан не был.

В город я не вернулась. К тому времени я уже неплохо зарабатывала у фермера, став кем-то вроде завхоза. Я прекрасно понимала, что нормальную работу в городе найти будет не так-то просто. Да и стыдно было возвращаться.

Домик мне справили тут же, пустовало их в деревне немало, народ все в город за хорошей жизнью норовил уехать. Так началась моя новая жизнь: работа и ничего, кроме работы. На дворе уже шел новый век, страна понемногу выбиралась из затяжной депрессии, жизнь налаживалась.

Постепенно я стала правой рукой человека, давшего мне работу. Фермерское хозяйство росло и крепло. Строились теплые коровники и курятники. Выращивались овощи и фрукты. Павел Степанович, человек мудрый, решил не класть все яйца в одну корзину, занявшись всем и понемножку.

Посадили фруктовый сад, а там и заводик по производству соков и консервов открыли. Начали делать шлакоблоки — хозяйству требовались молодые специалисты, а им жилье подавай. Деньгами Павел Степанович своих не обижал, лично у меня на счету лежала уже приличная сумма, я еще и

квартиру в городе сдавала, понимая, что туда уже не вернусь, и родителям помогала.

Первый дом из новеньких шлакоблоков построили мне, хоть я и отнекивалась. Настоящий дворец, с открытой террасой и балконом. В деревне меня уже давно уважительно называли Еленой Сергеевной.

Был ли у меня еще кто-то, кроме Николая? Конечно, был. За собой я следила, одевалась по моде, стрижка, маникюр — мужчины в мою сторону посматривали, многие даже замуж звали, но я, помня слова про пустоцвет, решила, что не стоит повторять прежних ошибок, лучше быть одной и ни от кого не зависеть. Имелся у меня в городе хороший знакомый, покупал у нас молоко для своих магазинов. Бывало, проводили мы с ним время, исключительно для здоровья.

Умер от инфаркта папа, через два года за ним тихо ушла мама. Я осталась совершенно одна. Тогда-то и посадила у дома первый кустик лаванды в память о ней, а потом уже не могла остановиться. Аромат стоял такой, что проходящие мимо селяне частенько останавливались полюбоваться лиловыми кустиками.

Я стала искать новые сорта, много читать, разыскивая любой материал про это чудесное растение, благо интернет уже давно стал не в диковинку. Оказывается, одни из первых духов были лавандовыми. Сухими цветами набивали полотняные мешочки и перекладывали ими одежду, придавая ей приятный аромат.

Я загорелась сделать свои духи. Для этого всего-то и потребовался самогонный аппарат. Найти в деревне такой агрегат не составило труда. И вот у меня в руках пробирка с моим первым лавандовым маслом.

Потом было лавандовое мыло, лавандовые свечи, которыми я одаривала своих знакомых на Новый год и 8 марта. Так, баловство в долгие одинокие вечера.

Но этого мне показалось мало, я хотела смешивать ароматы. Замахнулась на большее. Вспомнила свою детскую любовь к полевым цветам. Многие из них отлично для этого подходили.

Годы пролетали все быстрее. Сверстники уже качали в колясках внуков. Николай сменил пятую жену, от нее-то я и узнала, что мой бывший муж бесплоден. В тот день я купила бутылку коньяка и отключила телефон.

И вот мне сорок пять. Я свободная, самодостаточная, в меру обеспеченная женщина. На день рождения Павел Степанович с улыбкой вручил мне путевку на юг Краснодарского края с оплаченной экскурсией в долину Лефкадия, славящуюся своим сыром, винодельнями и лавандовыми полями. Именно туда и ехал экскурсионный автобус, остановившийся на этом утесе, с которого я так неосторожно свалилась.

Удар, острая боль и мир, стремительно свернувшийся до крошечной светящейся точки. Последней мыслью было сожаление, что я так и не смогла завести детей, ведь по возвра-

щении из отпуска твердо решила отправиться в детский дом и взять малыша. Не успела...

Светящаяся точка продолжала мерцать, неожиданно рядом стали загораться другие огоньки, я словно плыла среди звезд, где не было ни вчера, ни сегодня, ни радости, ни боли. Внезапно до меня донеслись голоса.

— Куда ее? На перерождение? — спрашивал приятный мужской баритон.

— Подожди, у меня на нее свои планы. Отдай ее мне! — просил ласковый женский голосок.

Звездное небо вдруг закружилось, сливаясь в одну светящуюся воронку, а затем все резко погасло. Вместе с темной вернулась боль, в голове шумело, болела рука и вся левая сторона тела. Я попробовала пошевелиться и не смогла.

— Слава богине, жива! Что же вы, леди Элена, наделали?! Разве ж можно так по мужу убиваться-то!

«По такому мужу? — подумалось мне. — Буду я еще по этому непутевому убиваться!»

— Попейте, леди, попейте, вам враз полегчает!

К губам поднесли что-то твердое, в приоткрытый рот струйкой полилась горьковатая жидкость, часть стекала по лицу прямо на шею. Я закашлялась.

— Сейчас, сейчас, родненькая.

Пролившуюся жидкость промокнули чем-то мягким, а сознание, свернувшись улиткой, решило, что на сегодня хватит, и отправило меня в затяжной обморочный сон.

Глава 2

Я несколько раз приходила в себя и снова проваливалась в беспамятство. Незнакомый женский голос каждый раз причитал о моей неосторожности, называя меня леди Эленой. Наверное, меня отправили в больницу, где за мной ухаживает кто-то из местных жителей, уж больно говор у сиделки своеобразный, отличающийся от того, к чему я привыкла.

Меня поили горьким лекарством, протирали лицо и шею влажной тряпочкой, после чего пульсирующая в голове боль становилась слабее и я снова засыпала.

Понятия не имею, сколько я так провалялась, но однажды меня будто что-то толкнуло чуть пониже груди, словно говоря «Пора!», и я открыла глаза.

Лежала и не понимала, как смогла выжить, высота утеса была о-го-го какая. Думаю, у меня после этого все кости переломаны, поэтому спешить и вскакивать не нужно. Сначала пошевелила пальцами рук, затем ног. Странно, боли не чувствовалось. Может, я тут уже не один месяц валяюсь и все успело само собой зажить?

Подняла руку, поводила ею перед лицом, рассматривая свои пальцы. Тоненькие, с бледной нежной кожей, и никакого намека на маникюр, а я перед поездкой себе бледно-розовый френч делала.

Руки тоже худенькие, словно не мои. И загара почти нет. Точно я тут не один месяц валяюсь!

Попыталась приподняться. В левом боку тянуло, но не сильно. Осмотрелась: я лежала на широкой, явно не больничной кровати. Резные спинки с высокими столбиками, на которых изображены какие-то фигурки не то людей, не то зверей, рассмотреть не успела — сил не хватило, и я повадилась назад на подушки.

Зато теперь я могла полюбоваться на украшенный лепниной потолок комнаты, в которой находилась. А она, судя по всему, совсем не маленькая! Это что, Павел Степанович мне отдельную палату оплатил?

Скрипнула дверь, послышались приглушенные ковром шаги, к кровати подошла странно одетая женщина: длинное темно-серое платье, такой же длинный фартук сероватого цвета, на голове чепец.

«Странная одежда у местных сестер милосердия, — подумалось мне. — Я подобное только в исторических фильмах видела».

На вид женщине было лет шестьдесят или около того. Увидев, что я открыла глаза, она запричитала:

— Очнулась, родненькая моя! Ты погодь, я сейчас за лекарем сбегая. Вот радость-то какая! Слава богине!

По голосу я сразу ее узнала, это она поила меня горьким лекарством, протирала влажной тряпочкой и причитала о моей горемычной судьбе. Пожалуй, насчет последнего я бы

с ней поспорила: упасть с такой высоты и выжить — настоящая удача! А с остальным я справлюсь, не впервой!

Спустя несколько минут сиделка вернулась и привела с собой мужчину. Одет он был не менее странно: в старомодный сюртук, под которым виднелся повязанный на манер шарфа галстук. В руках мужчина держал пузатый саквояж, который он поставил на стоящее возле моей кровати кресло.

— Леди Елена, рад, что вы наконец очнулись. Как вы себя чувствуете, что-то беспокоит? Пошевелите руками, а теперь ногами. Отлично! А теперь я проведу магическое сканирование, лежите, пожалуйста, смирно и не шевелитесь.

Что он сказал? «Магическое сканирование»? Я во все глаза уставилась на чудного мужика, а тот подошел ближе и стал водить надо мной ладонями. Глаза при этом у него были странные, словно подернутые белесой дымкой, ужас просто!

— Ну что ж, могу сказать: выздоровление идет отлично, организм молодой и отлично справляется с болезнью. Синяки и ушибы продолжайте смазывать мазью, которую я вам дал, пейте укрепляющий отвар. Больше ешьте, вам нужны силы, и начинайте потихоньку вставать. И мой вам совет, леди Елена: поменьше убивайтесь по вашему безвременно покинувшему мир супругу. Вы еще молодая, у вас все впереди, что это вы удумали — с утеса бросаться?!

— Я не бросалась, — пискнула я и не узнала своего голоса. — Это случайно получилось.

— А вот я и говорю: не могла юная леди на такое решить-

ся, грех-то какой! — снова начала приговаривать моя сиделка, видно, она очень была обеспокоена моей судьбой — даже больше, чем я сама.

Тут дверь вновь скрипнула. В комнату вбежала молоденькая девушка в пышном розовом платье и сразу кинулась к моей кровати.

— Элена, милая, я только что узнала, что ты очнулась. Зачем ты это сделала, зачем спрыгнула с обрыва?!

— Да не прыгала я никуда!

И что они все заладили: спрыгнула, спрыгнула!

На лице девушки проступил мимолетный испуг, но она быстро взяла себя в руки и снова заулыбалась.

— Госпожа Нарина, с вашей сестрой все в порядке, она уверенно идет на поправку, но шуметь все же не стоит, она еще слишком слаба, — выговаривал девушке мужчина, которого сиделка называла лекарем. — А теперь можете обрадовать вашего отца хорошими новостями.

Девушка настороженно глянула в мою сторону и вышла из комнаты, а я слегка подзависла. Лекарь называл эту девицу моей сестрой, и она пошла докладывать своему отцу о моем выздоровлении. Если мы сестры, то это и мой отец. Что-то мне кажется, что я слишком сильно головой стукнулась и в ней все перемешалось — у меня отродясь сестер не было!

Я снова откинулась на подушки, прикрыв глаза. В виске опять противно запульсировало. А лекарь тем временем разговаривал с моей сиделкой:

— Эбби, давайте леди мясной бульон, жидкие каши и побольше меду. Да не пускайте сюда никого лишнего — леди нужен покой, а с господином Ульямом я сам поговорю. Если леди Елена действительно оступилась, а не бросалась с утеса, думаю, ему не стоит беспокоиться о душевном здоровье дочери. Леди молода, даст богиня, еще замуж выйдет.

Голоса становились тише, лекарь и сиделка уже подошли к двери, явно собираясь уходить, а меня накрыла такая усталость, что я снова погрузилась в спокойный, дарующий силы сон.

Когда я проснулась в следующий раз, чувствовала себя намного лучше. Я даже смогла сесть и осмотреться. Комната действительно была очень большая и богато обставленная. Камин, старинная мебель, тяжелые бархатные портьеры на окне — на больницу совсем непохоже. Смутные догадки уже роились у меня в голове, но мне требовались еще доказательства.

Я спустила ноги с кровати и, опираясь на спинку кресла, шагнула к стоящему возле окна зеркалу. То, что я там увидела, отмело последние мои сомнения: я действительно не выжила.

Из зеркального отражения на меня смотрела совсем молоденькая девушка, лет восемнадцати, не больше. Худенькая изящная фигурка, широкие бедра, высокая грудь, довольно симпатичное личико. Бледная кожа — это, наверное, последствия болезни, оттого ярко-голубые глаза кажутся таки-

ми огромными. Длинные, ниже плеч, светлые волосы всклокочены и спутаны. Ничего даже близко похожего на сорока-пятилетнюю стройную брюнетку с короткой стрижкой и карими глазами. На меня смотрел совсем другой человек.

Вспомнился услышанный среди звезд голос:

— Куда ее? На перерождение?

— У меня на нее свои планы, — было ответом.

Это все объясняло: я чем-то приглянулась местным богам и вместо перерождения отправилась в тело этой девушки. В щедрость богов я не верила — бесплатный сыр только в мышеловке. Мне дали второй шанс, но что потребуют взамен? Явно выполнить особую миссию, мир там спасти или нечто подобное. Но что-то не похожа эта худенькая девчушка на спасительницу мира.

Дверь отворилась, в комнату, неся перед собой поднос, вошла моя давешняя сиделка. Помнится, лекарь называл ее Эбби. Увидев меня стоящей у зеркала, она снова запричитала:

— Да что это вы, моя родненькая, с постелей-то встали, не ровен час, голова закружится.

— Мне в уборную нужно. — Странное слово вырвалось у меня само, словно было привычно этому телу.

— Да я сейчас, я мигом!

Эбби поставила поднос на стол, а сама подошла ко мне. Опираясь на ее плечо, я смогла потихоньку дойти до комнаты, которую сама же назвала уборной.

Порадовалась наличию в доме «удобств». Нет, тут не имелось привычного мне унитаза, вместо него было удобное деревянное кресло с вырезанным в сиденье отверстием, которое плотно закрывалось притертой по размеру крышкой. Ну, хоть не ночная ваза, и то хорошо.

Сделала нужные дела, с помощью Эбби умылась и потихоньку вернулась назад к кровати. Сил у меня на это ушло немерено, и последние шаги я делала из простого упрямства, не желая падать кулем под ноги своей сиделки. Женщина она, конечно, крепкая, но поднять меня на кровать ей будет сложновато.

Взбив подушки, Эбби усадила меня повыше, постелила поверх одеяла салфетку и принялась кормить. На подносе стоял уже остывший мясной бульон с размятыми в кашицу овощами. С голодухи мне показалось, что я ничего вкуснее не ела! Потом был горячий травяной настой, щедро сдобренный медом.

— Доктор велел, для поднятия сил, — пояснила сиделка, поднося кружку к моим губам. Сил ее держать у меня совсем не осталось, зато голова заработала лучше.

То, что я в другом мире, и так уже поняла, хотя, может, меня просто закинули в прошлое? Но что-то я не припомню в земной истории никакого магического сканирования. Следовательно, я больше не на Земле, и здесь есть магия, во всяком случае лечебная точно! А это значит — нужно обжиться, узнать все об этом мире, куда я попала.

Эбби тем временем забрала грязную посуду, опустила подушки, чтобы я снова могла лежать, и ушла. А я все думала и думала, пока в сердцах не высказала:

— Раз вы закинули меня сюда, так помогите, дайте знак, что нужно делать!

Внезапно голову словно сдавило обручем, а перед глазами одна за другой начали появляться картинки. Они то замедлялись, то неслись с такой скоростью, что представлялось невозможным что-то разобрать. Но даже за это я была очень благодарна — ведь мне словно в ускоренной съемке показывали прошлое Элены.

Глава 3

Элена появилась на свет в достаточно обеспеченной семье баронета Ульяма Лурье. Роды ее матушка перенесла тяжело, долго и серьезно болела. К малышке тут же приставили няньку, ту самую Эбби, заменившую девочке родную мать, и отправили в дальнее крыло дома, чтобы не надоедала родителям своим плачем.

Нет, про девочку не забыли, Элену красиво одевали, хорошо кормили, заваливали игрушками — так молодая мать пыталась компенсировать свое отсутствие, все же дочь она сильно любила.

А уже через год Лурье овдовел, любимая жена, нежная и кроткая красавица Лаурита, так и не оправилась после болезни. Впрочем, для Элены почти ничего не изменилось — мать она видела редко, проводя все время с нянькой и горничными. Родительница в ее памяти осталась образом невероятно красивой светловолосой женщины, полулежащей на подушках в пене шелка и кружев.

Выдержав положенный срок траура, Лурье вновь женился. Ингрид, в отличие от первой жены баронета, отличалась крепким здоровьем и вздорным нравом. Заселившись в дом, она тут же принялась наводить свои порядки. Падчерицу она не обижала, просто не замечала, тем более та так и продол-

жала жить в дальнем крыле дома.

Совсем скоро у Элены появилась сестренка, кареглазая Нарина. Елена очень радовалась, что она теперь не одна, все же девочка была очень одинока. Вот только новорожденную малышку поселили возле матери, и видаться сестрам удавалось не так часто.

Когда Элене исполнилось шесть лет, ей даже наняли учителей для обучения письму и счету. Учиться девочке нравилось, а еще она очень полюбила читать. С тех пор ее можно было увидеть с книгой в саду или даже на ступеньках лестницы.

Красотой и кротким нравом Элена пошла в мать, чем все больше раздражала мачеху. Ингрид часто замечала, как муж задумчиво смотрит на свою старшую дочь, видимо вспоминая первую жену.

А еще она хорошо знала, что если что-то убрать с глаз мужчины, то это очень скоро сотрется у него из памяти.

Элену вместе с няней и горничной отправили в загородный дом. На лето.

Лето сменилось осенью, а затем и зимой — за ними так никто и не приехал. Девочку это нисколько не печалило — в старом доме имелась отличная библиотека, к тому же тут никто не заставлял ее переодеваться по три раза на дню и соблюдать этот дурацкий этикет, на котором Ингрид была просто повернута.

Шли годы, про Элену вспомнили, когда на одном из прие-

мов у Лурье спросили, собирается ли он выводить свою старшую дочь в свет, ведь той уже исполнилось семнадцать.

Вот тогда девушку в срочном порядке вернули в город. Ингрид схватилась за голову, увидев свою одичавшую падчерицу. С загаром во все лицо и сбитыми в кровь локтями и коленками (та накануне лазила с мальчишками в соседский сад за яблоками). Да и одежда у девушки была совсем простенькая, больше подходящая сельской жительнице, а не дочери баронета. Ей, конечно, выделяли на прожитие некоторые денежные суммы, но этого явно не хватало на новые наряды.

Срочно вызвали модистку и учителя танцев, который обучал своему мастерству сразу обеих сестер. А что деньги зря тратить? Младшенькой тоже скоро в свет выходить, это со старшей дочерью они пропустили все приемлемые сроки.

Несмотря на возраст, Елена так и осталась кроткой и нежной девушкой, зато ее сестра росла бойкой и веселой. Вместе они смотрелись как луна и солнце. Неудивительно, что в их компании заводилой была младшая сестра. Зато старшая частенько брала на себя вину младшенькой — ведь Елена так долго находилась в одиночестве, что радовалась любому общению со своей родственницей и считала это в порядке вещей.

Нарина быстро повзрослела и округлилась в нужных местах. Яркая и эффектная девушка частенько ловила на себе заинтересованные мужские взгляды. В это лето она нередко

допоздна оставалась в комнате старшей сестры — ведь ту по-прежнему поселили в дальнее крыло дома, откуда, открыв окно, можно было попасть в старый сад и к ведущей за ограду калитке.

Элена ночные вылазки Нарины не одобряла. Когда она сказала об этом первый раз, сестры чуть не поругались, и старшенькая уступила. Она прикрывала юную гулену перед всеми и не ложилась спать, пока та с мечтательно-довольным лицом не возвращалась домой.

В остальном их жизнь текла спокойно и размеренно. Родители рассчитывали в этом сезоне вывести девушек в свет и, даст богиня, обзавестись для тех женихами. Приданое за ними давалось вполне достойное. Об Элене в свое время позаботилась ее мать, завещав дочери все, что имела. Ингрид с не меньшим старанием набивала добром сундуки своей дочурки.

Война с северянами грянула словно гром среди ясного неба. Северные варвары и раньше частенько совершали набеги на территории южного соседа, пытаясь отбить часть теплых плодородных территорий. Но вылазки разрозненных племен быстро подавлялись.

В этот раз все было по-другому. У северян появился новый вождь, он объединил племена и повел их войной. Все это Элена знала из подслушанного разговора отца с одним из соседей, часто бывающих у них дома, чтобы пропустить по бокальчику сливовки, которую Ингрид готовила по старин-

ному семейному рецепту.

Северные земли располагались далеко, и жизнь в городе почти не изменилась. Правда, каждый подданный его величества должен был прибыть с отрядом своих воинов или прислать себе замену.

Сам Лурье по возрасту мог оставаться дома. Сыновей у него не имелось, поэтому, собрав с дюжину своих подданных и назначив десятника, он отправил их в королевское войско, на том и успокоился.

Но тут вышел королевский указ, по которому все отправляющиеся на войну титулованные особы должны в срочном порядке обзавестись женами и желательно наследниками мужского пола. В проекте, конечно. Ждать рождения детей никто бы не стал.

Это делалось для того, чтобы в случае гибели воина не случилось передела его земель и имущества. Уже возникали прецеденты, и его величество таким образом надеялся подобных избежать. Не хватало ему смуты и дележки внутри страны!

Составили списки всех семей, где имелись незамужние девушки подходящего возраста. Так Элена и Нарина попали в этот список. Лурье особо не рассчитывали, что кто-то из благородных посватается к их дочерям, все-таки баронеты занимали низшую ступень в иерархии аристократов. Вряд ли кто-то будет рассматривать их в качестве выгодной партии.

Но спустя несколько дней в поместье получили письмо с

указаниями готовиться к свадьбе. Барон Анри Тирсо изъяснил желание взять дочь баронета в жены. Какую? А без разницы! Прибывший с письмом гонец по секрету рассказал, что господин барон был так недоволен предстоящей женитьбой, что просто наугад ткнул в список пальцем.

Баронство жениха славилось богатыми землями, Тирсо был завидным женихом, и породниться с ним, несмотря на разницу в положении, мечтали даже графские дочери.

Лурье не сразу поверили в свою удачу. Кто пойдет под венец? Конечно, Нарина! Это Ингрид заявила сразу. Ее дочь будут величать «леди», а не как сейчас — просто «госпожой». О такой удаче она и не мечтала.

Начались приготовления к свадьбе. Модистки шили для невесты чудесное платье, на кухне готовились изысканные кушанья, мелись подъездные дорожки, выбивались ковры.

Правда, Элену вся эта суета не особо заботила, она проводила время в саду с очередной книжкой. Временами казалось, что она уже давно живет в том, выдуманном книжном мире с прекрасными девами и благородными рыцарями, мечтая о настоящей любви. Милая наивная девочка! Она даже приезд жениха и его родни пропустила, очнулась только тогда, когда в сад прибежала рыдающая Нарина.

Захлебываясь от слез, младшая сестра поведала, что в семье жениха есть старинная традиция — проверять невинность невесты прямо в храме перед самым бракосочетанием. Они для этого даже родовой артефакт привезли, так что от-

вертеться не получится!

Наивная Элена даже не сразу поняла объяснения сестры о том, что ночные прогулки младшенькой были не так безобидны, со своей невинностью Нарина уже давным-давно распрощалась.

— Такой позор! Такой позор! — повторяла она, глотая слезы. — Тут не поможет даже штопальная игла, подколотая к подолу нижней сорочки.

Про иглу Элена тоже ничего не поняла, пришлось Нарине пояснять сестре, что так издавна делают неверные невесты: колют палец заранее припрятанной иглой и пачкают простыни новобрачных.

— Только ты можешь меня спасти! — всхлипывала младшенькая. — Мы с тобой примерно одного роста, и фигуры у нас похожи. Ты наденешь свадебное платье и вместо меня пойдешь в храм. Под фатой лица все равно не видно, а после проверки мы с тобой опять поменяемся, и никто ни о чем не догадается, иглу я уже приготовила!

И снова девушка повелась на уговоры сестры, ведь она уже привыкла вытаскивать младшенькую из разных передраг.

На следующее утро Элена сказалась больной и осталась в постели. Перед отправкой в храм Нарина настояла, что перед обрядом обязательно должна повидаться с сестрой.

Девушки быстро поменялись одеждой, и в храм поехала уже Элена. Вот только там все пошло немного не так, как они обе рассчитывали. Родовой артефакт баронов Тирсо оказал-

ся очень древней реликвией, он не только проверял невесту на невинность, но и связывал дающую свадебные обеты пару особой магической связью.

На глазах изумленной толпы к концу церемонии на запястьях новобрачных проступила золотая брачная татуировка. Мало того, жених откинул с лица невесты фату и при всех ее поцеловал.

Увидев на месте невесты Элену, Ингрид упала в обморок. Мечты о баронском титуле для своей дочери в одночасье обернулись прахом. А жених, словно не замечая подмены, повел новобрачную за свадебный стол. От страха у девушки все плыло перед глазами, она даже боялась поднять голову и взглянуть на своего новоявленного супруга.

Придя в себя, Ингрид попыталась скандалить, обвиняя Элену в обмане. Той пришлось признаться, что идею с подменом придумала младшая сестра. Правда, она не сказала почему, так что честь Нарины осталась незапятнанной.

Младшенькую действительно обнаружили в дальнем крыле дома. Она, листая любовный роман, валялась в кровати сестры.

Нарина на ходу придумала оправдание, будто бы Елена влюбилась в барона Тирсо с первого взгляда, поэтому она и уступила ей свое место. Девчонка оказалась еще той интриганкой!

Как бы там ни было, свадебный пир продолжался, а за ним состоялась и первая ночь новобрачных. Специально прибыв-

ший из столицы маг установил над их кроватью амулеты для зачатия, об этом тоже позаботился его величество, желая быть уверенным, что все затеяно не зря.

Брачная ночь в голове Элены не отложилась совсем, не помнила она и лица супруга, вместо него осталось одно большое расплывчатое пятно. Зато утром все могли лицезреть пятна крови на простынях молодых и брачную татуировку, поменявшую золотой цвет на серебряный. Консумация брака была подтверждена.

Молодой супруг в тот же день отбыл на войну, оставив жене в подарок ювелирный набор, состоящий из ожерелья, кольца и браслета, и документ, согласно которому делами супруги в его отсутствие будет заниматься дядя, его единственный родственник по мужской линии.

Гости разъехались, Ингрид заперлась в своей комнате и отказывалась выходить, Нарина тоже отсиживалась у себя. Ульям Лурье в спешном порядке готовил приданое старшей дочери, когда буквально через два дня пришло известие о гибели барона Анри Тирсо. Он вместе со своим отрядом решил перейти реку вброд, и его вместе с лошадыю унесло потоком, тела так и не нашли.

Дядя барона потребовал показать ему брачную вязь Элены. Когда молодая женщина отогнула рукав своего платья, все увидели черную вдовью татуировку. Это подтверждало гибель барона.

Снова был вызван придворный маг, который мог подтвер-

дить пол ребенка уже на недельном сроке, следовало выяснить, кому достанутся баронские земли: еще не рожденному сыну барона или его дяде.

Девочка. Элена ждала дочку. С этого момента она стала никому не нужна.

Дядя Анри стал полновластным владельцем всего имущества своего племянника и отбыл в свои новые владения.

Нет, Элену не оставили с пустыми руками, ей выделили вдовью долю — старый родовой замок Тирсо в долине Лафкардия и небольшое годовое содержание вплоть до того момента, пока ее дочери не исполнится восемнадцать или сама Элена вновь не выйдет замуж.

Ингрид люто ее возненавидела и пыталась уговорить мужа не давать за дочерью никакого приданого. Ульям еще колебался, но жена уверенно его давила.

Нарина боялась, что старшая сестра расскажет всем ее секрет о ночных прогулках.

Элена сидела в своей комнате и все время плакала. Она не знала, что ожидает ее впереди, и страшилась этого. Всю свою прежнюю жизнь девушка провела в достатке и неведении под опекой нянюшки и совершенно не была готова ехать в далекий незнакомый край.

Ульям Лурье разрывался между тремя своими женщинами, не зная, что предпринять.

Однажды в дверь комнаты Элены тихонько постучались. Нарина пришла к сестре и позвала ее на прогулку — прой-

тись по горной тропе, подышать свежим воздухом.

Элена согласилась, ей хотелось перед отъездом еще раз взглянуть на родные края. Когда она стояла на краю утеса, что-то резко толкнуло ее в спину, и Элена полетела вниз.

Последней ее мыслью было: «Пресвятая, спаси мою малышку!»

Глава 4

Я открыла глаза, по щекам текли слезы.

— Спасибо! — сказала в пустоту, почему-то уверенная, что меня обязательно услышат.

Погладила рукой еще плоский живот, на губах сама собою расцвела счастливая улыбка.

— Моя малышка... — прошептала я.

О таком подарке я даже не мечтала!

Я плакала и улыбалась одновременно: оплакивала юную Элену и радовалась своему будущему материнству. Несчастливая девушка оказалась не нужна ни своему отцу, ни мачехе, ни мужу, которого она знала всего только один день. Лишь младшая сестра по-своему любила ее своей эгоистичной любовью. Однако что-то подсказывало мне, что именно она приложила руку к гибели старшей сестры.

Утверждать я это не берусь, но, кроме нас двоих, на свете больше никого не было. А значит, она может попытаться сделать это снова! Я боязливо покосилась в сторону двери. Кажется, оставаться в этом доме становится опасно.

Снова принялась судорожно рыться в воспоминаниях прежней хозяйки этого тела. Мне показали не так уж и много, словно заостряя внимание на главных моментах ее жизни. Помнится, ей выделили вдовью долю — дом и землю, значит, жить есть где, это уже хорошо.

А что по деньгам? Вроде положено какое-то содержание, но что-то подсказывает мне, что оно будет совсем мизерным. Значит, нужно брать с собой все, что только можно увезти. Прежняя жизнь научила меня не дожидаться милости от других. Как вспомню, сколько лет я загубила, ожидая одобрения от своего бывшего мужа, аж стыдно становится за былую слабость. Больше я такого не допущу, тем более у меня теперь есть для кого стараться!

Рука снова потянулась к животу.

— Обещаю: я сделаю для нашей дочери все, что только смогу! — словно клятву прошептала я.

Дверь тихонько отворилась, в комнату с кружкой в руках вошла Эбби.

— Нянюшка! — сорвалось у меня с губ.

— Проснулась, родненькая моя, а я тебе тут отварчика принесла, с медом. На, родимая, попей!

Нянюшка протянула мне пузатую глиняную кружку, над которой еще вился белесый парок. Пить действительно очень хотелось.

— Как долго я болела? — Почему-то мое падение с утеса все скромно именовали болезнью.

Эбби зашевелила губами, загибая пальцы:

— Да сегодня как раз девять дней будет. Никто не верил, что после такого выжить можно, с горы-то тебя, родимая, всю переломанную принесли. Одна я пресветлой богине молитвы читала, вот ты в одночасье на поправку и пошла.

— Спасибо, нянюшка! — Радовало, что хоть один человек в этом незнакомом мире искренне желал мне добра.

Девять дней, а на теле ни синяков, ни царапин. Как такое возможно? Может, меня лечил тот лекарь, что проводил магическое сканирование? Хотя он был не менее удивлен моему внезапному выздоровлению. Впрочем, это уже неважно.

— Нянюшка, а что в доме творится? — Я допила последний глоток отвара, передала ей опустевшую кружку.

— Дак все по-прежнему: мачеха ваша зверем смотрит, кричит да всех шпыняет. Сестрица то в комнате безвылазно сидит, то под вашей дверью ходит — переживает очень. Видать, виноватой себя считает, она ведь вас тогда на прогулку-то позвала.

Нянюшка все рассказывала, а я заметила, что она то называет меня родненькой и на «ты», то переходит на уважительное «вы». Сама женщина этого, вероятно, даже не замечала.

— А папенька что? Приданое мое уже собрал? — этот вопрос волновал меня сейчас больше всего.

Эбби опасливо покосилась в сторону двери и полушепотом продолжила:

— Так сначала его мегера эта, Ингрид, все отговаривала, мол, тебе, голубка моя, и так вдовья доля положена, и того хватит, а потом вы занемогли, так вопрос сам собой и отпал, вот она-то обрадовалась. — Эбби горестно вздохнула, теребя пальцами ткань фартука.

Это она зря радуется, я своего не упущу! Только нужно

немного сил набраться, они мне точно понадобятся.

— Нянюшка, а можно мне немножко каши? И я бы хотела помыться.

Эбби радостно всплеснула руками, подхватила пустую кружку и убежала на кухню. Вернулась она с полным подносом, уверяя, что раз аппетит вернулся, значит, я точно иду на поправку.

В этот раз я ела не спеша, тщательно разжевывая все, что лежало в мисках, стараясь помочь своему организму побыстрее прийти в порядок. После сытного обеда меня знатно разморило, лечь назад в постель, которую не меняли уже больше недели, не хотелось, да и я сама уже давно пахла не розами, так что, собрав силы в кулак и опираясь на плечо Эбби, я поплелась в ванную комнату.

Ванной тут служило круглое металлическое корытце, в которое следовало забираться по приставной лесенке — слишком уж высокими были у него борта. Внутри имелась скамья и лесенка, чтобы выбраться наружу.

Больше всего радовало, что водопровод тут тоже имелся, и даже с горячей водой. Так что вскоре я, чистая и распаренная, сидела в кресле, а нянюшка расчесывала мне волосы и рассказывала местные новости и сплетни. Под ее монотонный рассказ я начала клевать носом. Заметив это, Эбби тут же уложила меня в свежеперестеленную постель и задернула бархатные портьеры.

Следующее пробуждение оказалось намного приятнее,

чувствовала я себя уже намного лучше. Сама встала и, сходя в ванную комнату, сделала все свои дела. Вернувшись, выглянула в окно, гадая, что сейчас — утро или вечер? Сколько же я спала?

За окном была явно весна, короткая ярко-зеленая трава уже покрывала землю, но листья на деревьях еще не полностью распустились. «Скорее всего, апрель», — решила я.

Во дворе какой-то мужик крутился возле крытого экипажа с кожаным верхом. Из дома вышел представительный пожилой мужчина и полноватая темноволосая женщина в пышном платье и накидке наподобие плаща. Отец и мачеха — узнала я их из воспоминаний Элены.

Стоило только экипажу отъехать, как дверь моей комнаты приоткрылась и внутрь крадучись проскользнула Нарина.

— Доброе утро, сестренка! — Я решила, что сейчас все же утро.

Девушка испуганно дернулась и замерла, явно не ожидая увидеть меня возле окна.

— Элена? Тебе уже лучше?

— Как видишь! — Я постаралась улыбнуться как можно мягче.

— Я рада, что ты пошла на поправку. — Сестрица напряженно всматривалась в мое лицо, словно пытаясь понять, помню ли я, что случилось на утесе.

— Да, мне уже намного лучше, и я хочу поскорее уехать в имение своего мужа, вот только...

Девушка даже слегка подалась вперед, ожидая продолжения.

— Приданое мое еще не готово, — грустно вздохнула я, садясь в кресло спиной к окну, так мое лицо останется в тени, зато я прекрасно могу наблюдать за сестрицей. — Если бы папенька поторопился, я бы отправилась со дня на день. Как жаль, что мы больше с тобой никогда не увидимся!

Я еще раз вздохнула, наблюдая за работой мысли в хорошенькой головке Нарины. Сестра никак не была дурочкой и, думаю, сделала правильные выводы.

— Мне тоже очень жаль расставаться, но, раз ты все же решила уехать, думаю, я смогу поторопить папеньку.

Мы перекинулись еще несколькими ничего не значащими фразами, Нарина явно хотела поскорее уйти, но все не находила повода. В этом ей помогла Эбби, нянюшка принесла завтрак.

Сестрица наконец ушла, а я, сглатывая слюну, смотрела, как нянюшка расставляет на столе многочисленные миски и тарелочки. Аппетит у меня проснулся просто зверский!

За завтраком снова выслушала местные новости, узнав, что папенька отправился в город по делам, а мачеха решила пройтись по торговым лавкам.

— Три раза наряд меняла, все никак выбрать не могла. Совсем горничную загоняла, а остальные так и вовсе по углам попрятались, чтобы, значит, под горячую руку-то не попасть. Вот я на кухне и задержалась. Ты ешь, голубка моя,

ешь.

У меня мелькнула мысль, что слуги знают о своих господях столько, что при желании могут обратить это им во вред. Запомнила на будущее. Если буду нанимать себе слуг — нужно выбирать верных людей, которые потом не разнесут на всю округу, какое нижнее белье надела их госпожа, выходя из дома.

После завтрака я попросила Эбби помочь мне одеться и выйти на улицу. Хотелось немного погулять, да и в моем положении нужно больше бывать на свежем воздухе.

В шкафу нашлось всего несколько нарядов, все же девушку не слишком баловали обновками. Зато свадебное платье тоже висело здесь. Видимо, Эбби прихватила его вместе с остальными вещами, когда меня переселяли из богато обставленной спальни новобрачных назад в дальнее крыло.

Я мельком глянула на расшитый речным жемчугом лиф и отделку из серебряного шнура и решила, что обязательно заберу платье с собой. Насколько помню из уроков истории, одежда раньше стоила довольно дорого. Как бы там ни было, а в денежной системе этого мира я так и не разбиралась.

Решив, что навестывать нужно прямо сейчас, спросила у Эбби, сколько стоит мое платье, сапожки и плащ из толстой мягкой шерсти.

Женщина не сразу поняла, зачем мне это.

— Нянюшка, скоро мне придется уехать из этого дома и зажить своей жизнью, а я даже не знаю, сколько стоят обыч-

ные вещи. Мне положены какие-то деньги на проживание, но не думаю, что их будет очень много, ведь с моим приданным папенька так и не определился.

Эбби заохала, уверяя, что отправится со мной даже на край земли, чтобы позаботиться о «своей голубушке». Уже вечером я заметила на полках шкафа комплект постельного белья и несколько полотенец, а в углу появился потертый дорожный сундук. Видно, нянюшка была настроена серьезно и подошла к нашим сборам очень ответственно.

После прогулки, обеда и небольшого дневного сна я сама проверила ящики стоящего в комнате комода и нашла там немного нижнего белья и разных мелочей в виде шпилек для волос и шелковых лент. Вот только там не оказалось свадебного подарка моего мужа — комплекта украшений. Кто-то явно уже успел прибрать его к рукам.

Теперь я знала даже содержимое полок в ванной комнате, и выводы были неутешительными: Елена привыкла обходиться малым.

Два плаща — один теплый, зимний, второй тот, в котором я сегодня гуляла. Два нарядных платья на выход, два теплых шерстяных и четыре тонких, домашних. Теплые сапожки, легкие ботиночки и что-то вроде тапочек — одни из кожи, другие из плотной ткани. Из головных уборов только большая пушистая шаль.

Негусто!

На следующий день я попросила Эбби покараулить, а сама

мелкими перебежками добралась до библиотеки. Сил у меня заметно прибавилось, но встречаться с другими обитателями дома я была еще не совсем готова.

В библиотеке искала хоть что-то похожее на географический атлас, хотелось взглянуть, куда же меня закинула судьба. И это не праздный интерес. Если отошедшие мне земли находятся севернее, нужно озаботиться теплой одеждой, если южнее — монеты можно будет потратить на что-то другое, не менее важное.

Ближе к входу стеллажи были забиты в основном дамскими романами и аккуратно сложенными стопками газетных листков. Ничего полезного я здесь не обнаружила.

Атлас нашла на одной из дальних полок. Судя по скопившейся на корешках книг пыли, тут уже давненько никто не бывал, довольствуясь любовными романами. К тому же сюда, видимо, убрали самые старые и потертые книги с растрескавшимися от времени обложками и выцветшими названиями. Но все же глаз зацепился за одно из них.

«Настольная книга хозяйки дома», — с трудом прочла едва заметную надпись.

Я потянула книгу на себя, чихая от поднявшегося облачка пыли. Сунула потрепанный томик под мышку и, прихватив атлас, поспешила к выходу.

За дверью, переминаясь с ноги на ногу, стояла Эбби. Нянюшка скользнула взглядом по перепачканному в пыли платью, но ничего не сказала, прикрывая мой отход своей ши-

рокой спиной. Хорошо, что библиотека находится в той части дома, куда хозяйки не так уж часто заходят, предпочитая проводить время в будуаре, так что вероятность нашей встречи сводилась к нулю.

Вернувшись в комнату, я первым делом хотела открыть атлас, но нянюшка отобрала у меня книги, ворча:

— Куда грязюку-то на стол?!

Сначала она протерла их тряпочкой, которую выудила из вместительного кармана своего фартука, потом почистила подол моего платья от пыли, все еще бурча себе под нос. Только после этого усевшись за стол, я начала листать страницы, пытаясь отыскать на карте место, где мы сейчас находимся. Елена любила книги, только, по моему мнению, читала она разную ерунду, так что разбираться с местоположением придется мне самой.

Я довольно быстро нашла нужный город, близ которого располагалось поместье отца, а вот с поисками долины Лафкардия пришлось повозиться. Она оказалась совсем крошечной, так что я не сразу ее и заметила, пришлось перелистать атлас несколько раз, изучив его вдоль и поперек. Судя по карте, долина находилась чуть южнее, ближе к горному хребту, сразу за которым значилась граница соседнего государства.

Я попыталась проложить путь от дома батюшки до места моего будущего проживания, поочередно открывая нужные странички. По всему получалось, что ехать мне через поло-

вину страны. Вместе с этим у меня возникли новые вопросы: как туда добраться и кто будет оплачивать мою поездку?

Достав из комода несколько листов бумаги и грифельную палочку, принялась записывать накопившиеся вопросы. Когда я пойду в кабинет отца, то должна быть готова к важному для себя разговору и ничего не забыть.

Провозилась до самого обеда, поэтому с удовольствием съела все, что принесла нянюшка. После этого меня сморил сон. Организм уверенно восстанавливался, но ему все еще требовался отдых.

Сняв платье, чтобы не помять, прилегла на постель, накрывшись толстым шерстяным пледом. Уснула сразу, стоило только закрыть глаза. Сколько спала, не знаю, но проснулась словно от толчка и тут же почувствовала, что в комнате не одна. Каким-то седьмым чувством я поняла, что это не Эбби, по спине пробежал холодок.

В двух шагах от моей кровати стояла Ингрид. Мачеха, не отводя от меня стеклянного взгляда, обеими руками прижимала к себе подушку, которая обычно лежала в стоящем у стола кресле. Взгляд у нее был такой, что я уж было подумала, не придушить ли она меня хочет.

— Госпожа Ингрид? — Я приподнялась на локте, не отводя глаз от подушки.

Женщина вздрогнула и, моргнув, заговорила:

— Нарина сказала, что тебе уже лучше и ты хочешь уехать. — Она продолжала буравить меня взглядом, сжав-

шие подушку пальцы побелели от напряжения.

— Да, мне уже лучше, и я хотела бы отправиться в дом своего мужа.

— Зачем? Зачем тебе это было нужно?! Тебе плохо жилось на всем готовом? Если бы не ты, Нарина стала бы баронессой! Бедная несмышленная девочка пошла у тебя на поводу, отказавшись от титула!

— Думаю, вы должны быть мне благодарны, я смогла убедить сестру от участи вдовы с никому не нужным ребенком на руках.

— У Нарины точно родился бы мальчик, и все земли баронства Тирсо достались бы ему!

— За пол будущего ребенка отвечает отец, а женщина — лишь сосуд для его вынашивания и рождения. От перемены жен ничего бы не изменилось, — вздохнула я, не отводя глаз с подушки.

— Откуда ты знаешь? — Мачеха подозрительно прищурилась.

— В одной из книжек прочитала, — быстро придумала я более-менее правдоподобный ответ.

— Значит, хочешь уехать?

— Да, я хотела просить отца отпустить меня...

— Я пришлю за тобой горничную, когда он освободится! — Резким брезгливым движением Ингрид бросила подушку назад в кресло и вышла из комнаты, а я вздохнула полной грудью, только сейчас заметив, в каком напряжении находи-

лась все это время.

Поднялась с кровати и пошла в ванную умыться. Поднося ладони к лицу, я заметила, как мелко подрагивают пальцы. Сейчас, когда было все уже позади, поняла, как сильно я испугалась.

В комнату заглянула Эбби и сразу же заметила, что со мной что-то не так. Пришлось все ей рассказать. Сейчас мне как никогда требовалось чье-то крепкое плечо или хотя бы совет.

— Да что же это делается?! Совсем сиротинушку мою извели! — запричитала женщина. — Я сегодня с тобой ночевать буду!

— Спасибо, нянюшка, только тут ни второй кровати, ни даже диванчика нет, куда же ты ляжешь?

— А об этом не беспокойся, голуба моя, на вот, поешь. Я тут тебе плюшку принесла и отвар. Сама варила, он все печали как рукой снимает! — Эбби уже накрывала стол белоснежной салфеткой, выставляя на нее кружку с отваром и блюдец с ароматной выпечкой.

То ли отвар помог, то ли я просто сумела взять себя в руки, но мне стало намного легче. Эбби помогла мне надеть платье и переплести волосы. Только мы закончили, как на пороге появилась молоденькая девушка в длинном сером платье и кокетливом фартучке.

«Горничная мачехи», — вспомнила я.

Значит, Ингрид уже успела поговорить с отцом. Видать,

не терпится быстрее спроводить меня с глаз долой. Только бы ее самой в кабинете не было, мне хотелось пообщаться с глазу на глаз. Эбби отправилась со мной, мне было спокойней при виде ее крепкой фигуры рядом.

Баронет Лурье сидел в своем кресле за массивным письменным столом, доставшимся ему еще от его отца, а тому от деда. Подойдя ближе, я заметила, как он осунулся. Видимо, события последних дней не принесли спокойствия в его жизнь. На минуту мне даже стало его жалко.

— Доброго дня, папенька. — Я присела в легком реверансе.

— Елена, ты действительно неплохо выглядишь! — то ли удивился, то ли обрадовался он.

— Мне уже много лучше, прошу вас отпустить меня в дом моего мужа. — Я села напротив отца, пододвинув к столу стул с высокой спинкой.

— Дорога туда долгая, сможешь ли ты ее выдержать? — В голосе отца скользнула нотка беспокойства.

Значит, не все потеряно, он все же хоть немного за меня переживает.

— Думаю, после моего отъезда страсти немного поулягутся и вам будет спокойнее. — Я опустила глаза, давая понять, что мне известен источник его тревог.

— Раз это твое решение... я не против. — Он замолчал, потом тяжело вздохнул. — Как же ты похожа на свою мать! Молчание затягивалось, а хотелось поскорее озвучить все

накопившиеся вопросы.

— Прошу простить за вопрос, но что с моим приданым? И где подаренные мне мужем драгоценности? Я не нашла их в комнате.

Лурье поморщился, словно я задела его за живое.

— Еще я хотела бы узнать, как мне добираться: вы выделите мне повозку или ее придется нанимать? Эбби решила поехать со мной, но было бы неплохо отрядить кого-нибудь нам в охрану.

Я по пунктам зачитывала записанные на листке бумаги вопросы, и к концу списка мне показалось, что отец смотрит на меня уже совсем другими глазами.

— А ты изменилась, Элена.

— Я теперь в ответе не только за свою жизнь. — Рука сама скользнула на живот, туда, где билось сердечко моей еще не рожденной дочери.

Лурье задумался, потом пододвинул к себе пачку бумаг, среди которых я заметила несколько конвертов. Видимо, это была еще не разобранный почта.

— Где-то тут было... — Отец, покопавшись в бумагах, взял в руки распечатанный конверт и достал из него украшенную позолотой карточку. — Через два дня прием у госпожи Франциски, я отправлю туда Ингрид и Нарину. Это на другом конце города, у нас будет всего несколько часов, чтобы собрать твои вещи. Я даю за тобой два сундука тканей, сама отберешь, что тебе больше по вкусу. Один сундук с по-

судой, серебряной и фарфоровой.

Я кивала в такт его словам, хоть не голышом отправляют, и то хорошо. Даже удивительно, что отец проявил ко мне такое участие, может, оттого, что я напомнила ему первую жену? А он тем временем снял с шеи небольшой ключик, открыл им ящик стола и выложил на столешницу несколько тканевых, характерно звякнувших мешочков и небольшую шкатулку.

— Это оставила тебе твоя мать. — Он подвинул ко мне шкатулку и два мешочка с монетами. — А это тебе от меня. — И добавил к кучке еще один мешочек. — Спрячь и сиди в своей комнате, пока не позову. Для всех — ты отбываешь в конце недели.

— Спасибо. — Я сгребла все в охапку и, бочком протиснувшись в приоткрытую дверь, вышла из кабинета.

В коридоре меня ждала Эбби. Увидев у меня в руках шкатулку и кошельки, она тотчас накинула мне на плечи свою шаль, прикрывая добро. Повезло, что мы почти никого не встретили. Лишь когда спускались по лестнице, навстречу попалась одна из горничных. Нянюшка тут же загородила меня своей широкой спиной, я только подивилась ее находчивости.

Вернувшись в комнату, я перво-наперво проверила дверь на присутствие запора — такового не оказалось. Значит, любой может войти сюда, когда ему заблагорассудится. Недолго думая, мы подперли дверь креслом, это хотя бы даст нам

время сориентироваться.

В каждом из кошельков оказалось по десять золотых монет. По словам нянюшки, на эти средства можно прожить несколько лет.

— Ежели экономно, надолго хватит!

Я рассказала ей, что отец обещал подкинуть еще пару сундуков с тканями и даже посуду, так она и вовсе повеселела.

— Ой, не пропадем, голуба моя!

В шкатулке оказались украшения: несколько колечек, ожерелье, серьги. Комплект из зеркала в серебряной оправе, украшенного мелкими камешками, и щетки для волос с таким же орнаментом.

Все богатство спрятали пока под подушку. Эбби ненадолго ушла, вернувшись с ужином. Теперь она старалась не оставлять меня ни на минуту. Правда, она никак не соглашалась садиться со мной за один стол и поела только тогда, когда я перебралась на кровать.

После ужина нянюшка отправилась относить грязную посуду, а вернулась, держа под мышкой скрученный валиком матрас. Спала она на полу, прямо возле моей кровати. Дверь мы подперли креслом уже проверенным способом.

Глава 5

Утром Эбби принесла иглу и моток ниток. Следующие два дня мы по очереди зашивали золотые монеты в подол платьев и подкладку плаща. Нянюшка приговаривала:

— Ежели что, на тряпье-то никто особо не позарится! Так и сэкономим!

Шкатулку Эбби обернула куском мягкой ткани:

— Чтобы не бряцало!

Затем убрала ее на дно сундука, завалив сверху зимней одеждой. Туда же отправились все мои вещи из комода, полотенца, постельное белье, несколько кусочков мыла (одно начатое, душистое, и два посерее, больше похожие на хозяйственное).

Появился в комнате и сундук поменьше — там нянюшка держала свои вещи. Можно сказать, два последних дня мы провели на чемоданах.

Утро третьего дня я провела у окна в ожидании, когда мои дражайшие родственницы отбудут из дома. Ожидание затягивалось, я уж было подумала, что они передумали и все сорвется.

Но вот к крыльцу подъехала хозяйская повозка, и вскоре в нее уселись мачеха и младшая сестрица. С замиранием сердца я следила, как повозка скрывается за поворотом, все

еще боясь, что они решат вернуться.

Время шло, а папеньки все не было. Не выдержав, я послала Эбби на разведку. Она вскоре вернулась, рассказав, что хозяин отправляет кухарку на рынок, а с ней и двух горничных, в доме из прислуги никого не осталось.

Когда дверь в мою комнату отворилась и на пороге появился отец, я уже вся извелась от нетерпения.

— Иди за мной! — коротко велел он мне, размашисто шагая по коридору.

Я едва поспевала за его широким шагом. Мы спустились в полуподвальное помещение. В отличие от обычного подвала здесь было сухо, пахло пылью и еще какими-то травами.

В руках у отца звякнула связка ключей, он отворил одну из дверей.

— Заходи. Можешь сложить в эти сундуки все, что тебе придется по нраву.

У дверей действительно стояло два сундука чуть поменьше того, что был у меня в комнате. Вдоль всего помещения тянулись полки, на которых рядами лежали тюки с тканью. Чего тут только не было, у меня аж глаза разбежались!

— Поторопись, у нас мало времени, я пока соберу остальное. — Оставив меня одну, отец вышел.

Снова послышался звон ключей — он явно отпирал дверь соседнего помещения. Опомившись, я пошла вдоль рядов, раздумывая, что может пригодиться мне в далеком горном крае.

Богатые шелка отмела сразу, мне бы что попрacticalнее, но, немного подумав, все же сунула на дно одного из сундуков отрез голубого шелка, добавив к нему тюк бархата в тон. Несколько тюков клетчатой шерсти, светлый лен. Еще тюк бархата цвета кофе с молоком. Два тюка черной ткани — не стоит забывать, что я вдова. Вспомнив про Эбби, добавила тюк светло-серой тонкой шерсти, ей тоже не помешает обновить одежду.

Второй сундук я набила тканями попроще — пойдут на полотенца и постельное белье.

Вернулся отец, глянул на полки, потом на сундуки, хмыкнул, снова ушел, а вернувшись, кинул поверх уложенных вещей два мотка лент, несколько кусков кружева, добавив по мотку светлых и темных ниток. После чего закрыл каждый из сундуков на ключ и вручил оба ключа мне.

— Храни и в руки никому не давай. А теперь одевайся теплее и жди меня, повозка подъедет к черному ходу.

Я напредила, что в комнате тоже стоит сундук, нам с Эбби вдвоем его не поднять. Отец только кивнул, подгоняя меня.

— Поспеши, Элена, скоро кухарка воротится!

Вернувшись в комнату, я увидела полностью разоренную постель. Эбби не только постельное белье, на котором я спала, убрала в сундук, но и матрас с подушками свернула в плотные тюки и сложила у двери и теперь с чисто хозяйским интересом посматривала на старенькие гардины.

— Нет, Эбби, нет! На это нет времени!

Отец пришел минут через пятнадцать, окинул взглядом опустевшую комнату, но промолчал. Позади него стоял крепкий пожилой мужчина.

— Фред поедет с вами, он когда-то служил твоей матери, теперь послужит тебе!

— Леди Елена! — поклонился слуга.

Я кивнула в ответ, радуясь, что отец прислушался к моей просьбе и выделил нам в дорогу хоть одного мужчину. Путешествовать в одиночку дамам было опасно в любые времена.

Мужчины легко подхватили сундук, Эбби, закинув на плечо тюк с подушками, поспешила следом. Через несколько минут отец и Фред вернулись, забрали остатки вещей. Взяв в руки последний узелок, я заторопилась за ними. На пороге обернулась, понимая, что никогда больше сюда не вернусь, закрыла дверь, словно оставляя за ней все, что было раньше.

У черного входа стоял большой серый экипаж. Он сильно смахивал на обычный коробок на колесах. В него уже загрузили все наши вещи, Эбби тоже сидела внутри, выглядывая в приоткрытую дверь.

— Это наемный дилижанс, дорогу до твоего дома я оплатил, в остальном тебе придется обходиться самой. Будь осторожна, на большом тракте полно жуликов и проходимцев, никому не доверяй. Фред за тобой присмотрит, но ты и сама не плошай!

Отец шагнул вперед, неловко обхватил меня за плечи, обнимая. Потом, словно опомнившись, вытащил из-за пазухи

бархатный футляр, в котором я узнала подарок безвременно усопшего супруга, и несколько свернутых в трубочку бумаг.

— Тут твое брачное свидетельство и документы на землю. Как доберешься до Лафкарда, зарегистрируй свои права в мэрии. Там же тебе должны выдать причитающиеся на прожитие средства.

— Спасибо, — поблагодарила я его, понимая, что, когда вскроется, какое приданое дал за мной отец, Ингрид устроит ему веселенькую жизнь. Надеюсь, это случится нескоро и она успеет поостыть.

Закутавшийся в теплый плащ Фред уже сидел рядом с возницей. Кони фыркали, нетерпеливо переступая с ноги на ногу.

— Пора! — Отец подтолкнул меня к дилижансу, помог забраться на подножку. — Да поможет тебе Пресветлая!

Дверь закрылась, экипаж дернулся, мерно зацокали копыта лошадей. Я прильнула к небольшому окошку, провожая взглядом старый сад и одинокую, чуть сгорбленную мужскую фигуру.

Повернув на проселочную дорогу, мы поехали быстрее и вскоре влились в поток других экипажей, повозок и телег, выехав на большой тракт.

Чем дальше от дома мы отъезжали, тем спокойнее мне становилось. Чувство опасности осталось позади. Кто бы мог подумать, что напуганная разоблачением младшая сестра и обозленная мачеха могут быть настолько опасны? Радовало,

что отец все же нашел в себе силы пойти наперекор супруге, видимо, он по-своему любил старшую дочь, хоть и не показывал этого.

Впрочем, Елена никогда ни в чем не нуждалась, жила в теплом просторном доме, имея свою комнату, не голодала, одевалась пусть и не богато, но по сезону, ни дня не работала. Меня удивляло другое: девушка, кроме книг и вышивания, никогда ничем не интересовалась, сидела в своем уютном мирке, и все ее устраивало. Будь она чуть поактивнее, поласковее к отцу, может, все сложилось бы совсем иначе.

Но я ведь совсем другая, и этого не могли не заметить, особенно тот, кто близко знал Элену. Покосилась на сидящую в уголке дилижанса нянюшку, вот кто заменил девушке мать и знает ее лучше всех. Я уже не раз ловила на себе удивленные взгляды Эбби, не заметить всех этих перемен она просто не могла.

А какие у нее были глаза, когда я принялась выпрашивать стоимость вещей, пытаюсь разобраться в денежных единицах! Ведь насколько я поняла, Елена и на рынке-то никогда не бывала!

Сейчас, когда чувство опасности притуплялось с каждым метром, что отдалял меня от отчего дома, и появилось много свободного времени, я поняла, что ситуацию нужно как-то исправлять, ведь со временем разница в поведении бывшей Елены и меня будет только расти, а терять единственного близкого человека, способного помочь разобраться в этом

незнакомом мире, я не хотела.

— Нянюшка... я должна тебе рассказать... — робко начала я, — после того как я так неловко оступилась... там, в темноте, я слышала голос. Пресветлая, она велела мне быть сильной ради моей дочки, ради нашего будущего!

Я шмыгнула носом, слезы сами набежали на глаза. Нянюшка подвинулась ближе, обняла за плечи, уложив мою голову себе на грудь.

— То-то я смотрю, ты прямо сама не своя, — вздохнула женщина, глядя меня по волосам.

— Я должна измениться! Стать сильнее! Но ведь я ничего не знаю и не умею... Я никогда не была так далеко от дома... Нянюшка, ты поможешь? Научишь меня всему?

— Да нешто я оставлю голубу мою?! Научу всему, что сама знаю. И Пресветлой, защитнице нашей, молитву прочту, а как близ храма окажемся, и гостинчик передам!

Слова про гостинчик несколько удивили, но, может, тут общение с богами проходит на более доверительном уровне? Мне вон когда нужно было — помогли.

Я пригелась в уютных объятиях Эбби, дилижанс мерно покачивался, слезы на моем лице высохли, словно смыв невидимую грань, отделяющую нас от прежней жизни. Кажется, я задремала.

Проснулась оттого, что дилижанс остановился. Я лежала бочком на сиденье, положив голову на колени Эбби.

— Что случилось? Почему мы остановились? — Страх

снова царапнул меня ледяным когтем.

— Да ты лежи, лежи, чего всполошилася-то! Фред сказал, что надо коней напоить да роздых им дать, а потом далее поедem.

Весть о том, что никто не собирается возвращать меня домой, сразу успокоила. Я села и, сонно жмурясь, выглянула в окошко. Мы остановились у реки, рядом стояли еще несколько экипажей и телег. Люди занимались своими делами, кто-то уже запалил костерок и, повесив над ним казан, готовил обед для своей семьи. Мимо, весело смеясь, пробежала стайка детишек. Вероятно, тут было что-то вроде придорожной стоянки.

Интересно, а туалет тут есть? Организм настойчиво требовал свое. Да и размять ноги не помешает.

Туалет оказался за ближайшими кустиками. Эбби пошла со мной и помогала придерживать юбки и край плаща, когда я делала свои дела. На миг почувствовала себя маленьким ребенком, но в этих многочисленных подолох действительно немудрено запутаться.

Потом мы прошлись вдоль реки, вдыхая аромат свежей весенней травы и сладковатого дыма от костра. Ко всему этому примешивался запах готовящейся пищи.

— Нянюшка, я есть хочу! — жалобно вздохнула я.

А ведь об этой стороне путешествия я даже не подумала. В пути нам нужно будет чем-то питаться. Стоит закупить продовольствие хотя бы в любой ближайшей деревне.

Но я сильно недооценила мою заботливую Эбби. У нянюшки нашелся узелок с припасами. Она быстро расстелила на травке старенький плед, поверх него белоснежную салфетку, на которую выложила порезанный крупными ломтями хлеб, окорок, кусок сыра и несколько утренних булочек, которые так любит моя сестрица. Рядом Эбби поставила уже знакомую мне глиняную кружку и оплетенную лозой бутыл, в которой оказался остывший травяной отвар.

Сама Эбби вместе с Фредом устроилась неподалеку, перекусывая хлебом и сыром. Возница обедал отдельно, припасы у него были свои. Лошади тоже чем-то вкусно похрустывали, засунув морды в подвешенные к шеям мешки.

Было уже за полдень, весеннее солнце припекало так, что спине стало жарко, я расстегнула пуговицы плаща и, зажмурившись, подставила лицо солнышку. Давно я не сидела вот так у реки, никуда не спеша. Вспомнилось детство, молодой отец и мама, с улыбкой смотревшая, как мы, так же устроившись на траве, с удовольствием уминаем приготовленный ею на костре обед.

Потом, когда Эбби убирала остатки нашей трапезы, я подошла к Фреду поговорить насчет пропитания. Того, что осталось, хватит разве что на ужин.

— Вы, леди, можете обедать на постоялом дворе, там же и переночевать можно.

— Постоялый двор — это хорошо, а если его не будет? Если нам захочется перекусить вот так, на природе? Можно

ведь закупить в деревне молока, сыра, яиц?

— Это вы дело говорите, — закивал Фред. — Лишний припас никогда не помешает.

Следующая остановка была в ближайшем селе. Фред окликнул парнишку, лениво бредущего вдоль дороги и погоняющего хворостиной облезлую козу, и спросил, у кого можно разжиться припасами. Тот тут же оживился, хвалясь, какой вкусный сыр получается из молока их Зорьки, при этом поглаживая козу по серому боку.

— Наша изба тут недалече, я только мамку предупрежу! — Подхватив Зорьку за рога, паренек потащил упирающуюся козу за собой, мы поехали следом.

Из домика, на ходу вытирая руки о передник, выскочила высокая худая женщина. Увидев остановившийся дилижанс, она тут же принялась отвешивать поклоны.

Фред подошел к хозяйке и заговорил, объясняя, что нам нужно. Та обрадованно закивала, пригласила его в избу. Мне тоже стало интересно, я вместе с Эбби выбралась наружу.

Селянка предложила нам две головки козьего сыра, с десятков яиц и свежий, еще горячий каравай, который, видимо, пекла семье на ужин. За все это она попросила с нас сушие медяки. Когда я вытащила из кармана припасенный в дорогу золотой, она вытаращила глаза и замахала руками.

— Да ить где же я вам размен найду? У нас отродясь таких денег не водилось! Разве что к старосте пойти, может, он с податей наберет!

Прихватив продукты, мы вновь загрузились в дилижанс и поехали следом за семенящей по дороге женщиной. Дом старосты выгодно отличался от соседних строений своей основательностью, крепким забором и чисто выметенным двором.

Вышедший на улицу мужик выслушал спешащую к нему соседку, потом, приложив ладонь к глазам на манер козырька, внимательно наблюдал, как мы выбираемся из остановившегося возле его дома экипажа, и, лишь когда я подошла ближе, низко поклонился, приглашая в избу.

Размен нам дали, Эбби, подозрительно косясь на стоящего возле стола старосту, дважды пересчитала высыпанную на стол горку монет. Обмен состоялся, а я немного растерялась: куда девать столько денег? Не в карман же сыпать.

И снова меня выручила Эбби. Достав свой внушительного размера носовой платок, она ссыпала монеты в него, завязав узелком.

Выйдя на улицу, первым делом рассчитались с селянкой, и та, довольная, отправилась домой, а староста вдруг спросил:

— Может, госпоже еще что надобно?

— А что у вас есть? — заинтересовалась я.

Хозяйство старосты было побогаче, чем у обычных селян, тут мы разжились двумя кольцами ароматной, остро пахнущей чесноком и травами колбасы, пирогом с мясом и кринкой густого, словно сливки, молока.

Настроение у меня сразу улучшилось — ведь за все мы отдали сущую мелочь. «Этак этих денег нам действительно надолго хватит», — думала я, пока мы не остановились на ночь возле постоянного двора. Погода испортилась, резко похолодало, стал накрапывать дождь, так что решили переночевать здесь.

Вместе с Фредом мы вошли внутрь добротного двухэтажного дома. Там оказалось многолюдно. На первом этаже располагался обеденный зал, все столы были уже заняты посетителями. Пахло свечным воском, едой и чем-то кислым, ко всему этому примешивался запах несвежего человеческого тела и конского пота.

Погода вконец испортилась, на улице уже вовсю лил дождь, сверкали молнии. Все жилые комнаты на постоялом дворе очень быстро разобрали, а то, что осталось, предлагалось по двойной цене. Делать было нечего, и я согласилась. О том, чтобы продолжить путь под проливным дождем, да еще ночью, не было и речи, все и так устали.

Пришлось оплатить конюшню и навес для дилижанса — еще в дороге я заметила, что крыша у него подтекает, не хотелось испортить вещи, их и так у меня немного. Тем более Фред будет ночевать в карете, охраняя хозяйское добро. Возница устроился на конюшне вместе с лошадьми, а нам с Эбби досталась крошечная комнатуха с двумя узенькими кроватями.

За окном совсем стемнело, лишь яркие всполохи молний

изредка освещали округу. Нижний зал постоянного двора был битком забит народом. Кто-то ужинал, кто-то потягивал медовуху, имелись и те, кому не досталось комнат или у кого не нашлось лишних монет, чтобы ее оплатить, — они устраивались на ночлег прямо тут, в одном из свободных углов.

Взяв огарок свечи, хозяйка повела нас на второй этаж. Деревянная лестница поскрипывала под ногами, в коридоре царил сумрак.

— Я вам комнату в самом углу выделила, там и потише будет, и чужой никто не сунется. Но ежели чего, вы враз кричите, мы тут же прибежем — люд на дороге разный бывает, за всеми не уследишь!

Эбби и так быстрее увела меня от бесцеремонных взглядов разгоряченных медовухой мужчин, а от такого предупреждения и вовсе стало не по себе.

— Ужин я вам сюда принесу, нечего благородной девице рядом со всяким сбродом сидеть. Там за ширмой ведро, если по надобности, то можно туда.

Оставив свечу на столе, хозяйка ушла, а мы принялись осматривать свое временное жилье. Две узкие кровати с толстыми матрасами, между ними небольшое окошко и стол. Ближе к двери угол, отгороженный занавеской, там табуретка, на которой стоит таз и кувшин, наполненный водой. Рядом накрытое дощечкой ведро. Прямо номер люкс!

В дверь постучали, Эбби кинулась открывать. Фред и еще какой-то парень внесли мой сундук, тот самый, где я припря-

тала золотые монеты. Туда же убрала отданный отцом футляр с драгоценностями и бумаги на землю.

Теперь в комнатке стало совсем не развернуться.

Пока мужчины заносили сундук, доставили ужин. Я предложила Фреду поесть с нами, но он отказался, сказав, что ему хватит и того, что мы успели купить в дороге.

— Да и вещи надолго без присмотра оставлять негоже, пойду я, леди Элена.

Правда, перед уходом он зачем-то покрутил в руках стоящий в углу деревянный кол да подергал прилаженные к двери железные крюки. Их назначение я поняла, когда Эбби положила на эти крюки тот самый деревянный колышек. Да это запор! Теперь снаружи дверь не открыть! Мне сразу стало намного спокойнее, с некоторых пор я стала побаиваться открытых дверей.

На ужин нам принесли большую миску с кашей, приправленной кусочками мяса, несколько ломтей хлеба и кувшин травяного чая. Я удивилась, что ложка была всего одна, впрочем, кружка тоже.

И снова Эбби отказалась садиться со мной за один стол, как я ни уговаривала, что в дороге все равны и нас никто не видит.

— Да что ты, голубушка моя, разве ж можно за один стол с госпожой-то?!

Разделив кашу поровну, я съела свою половину, запивая жиденьким травяным настоем, и, лишь когда отодвинулась

от стола, к нему подсела Эбби, доедая то, что я ей оставила.

Ужин был так себе, каша пресная, недосоленное жесткое мясо понабивалось между зубов, и теперь я пыталась языком выковырять застрявшие волокна.

А если вспомнить, сколько монет я отвалила за этот ужин и ночлег! И это только первый день. Если так пойдет дальше, дорога меня вконец разорит!

За окном завывал ветер, наотмашь бросая в оконное стекло горсти дождя. Потянуло стылой сыростью. Эбби помогла мне раздеться, и я, дрожа всем телом, забралась под тонкое одеяло, пытаюсь согреться.

Послушав перестук моих зубов, нянюшка, поохав, отперла сундук и, достав теплый плащ, укрыла меня сверху. Пригревшись, я задремала.

Глава 6

Утро встретило солнечным лучом на подушке и перестуком капель, стекающих с крыши. Дождь закончился, и солнце пыталось пробиться сквозь густые тяжелые облака.

Я сладко потянулась, выбираясь из-под одеяла, впервые за неделю спалось спокойно. Нянюшки в комнате не оказалось, ее аккуратно заправленная кровать пустовала. Не дожидаясь ее прихода, я прошла за шторку, поплескала на лицо холодной воды, прогоняя остатки сна, глаза сразу открылись.

Выглянула в окно, полюбовалась на грязных, копающихся во влажной земле кур. Глянула на небо — судя по всему, уже позднее утро. Где же Эбби? Почему мы не едем дальше?

Словно услышав меня, дверь отворилась. Сначала в комнату вошла хозяйка, держа перед собой поднос с завтраком, следом с гордо поднятой головой шагала моя нянюшка.

Сегодня сервировка стола разительно отличалась: на подносе красовалась старенькая, невзрачного вида салфетка, на ней — расписное блюдо с кашей, ложка и зачем-то вилка, хотя есть ей тут было нечего. Хлеб узкими аккуратными ломтиками разложен на блюде в виде веера, но больше всего меня поразила глиняная вазочка с торчащей из нее березовой веточкой с едва набухшими зеленоватыми почками.

Поставив поднос на стол, хозяйка суетливо поклонилась

и выскочила за дверь. Я едва не рассмеялась, глядя на Эбби, которая проводила ее взглядом полководца. Видимо, нянюшка уже успела здесь покомандовать. То-то она весь вечер ворчала, что обхождение тут не достойно настоящей леди.

— Нянюшка, давно рассвело? Почему не едем?

— Так дороги размыло! Обождать нужно, пока немного подрыхнет да колею накатают, тогда-то мы по той колее и поедем.

Пока я ела, Эбби рассказала, как она, проснувшись, наведлась на кухню, чтобы просветить хозяев о том, как им повезло принимать у себя в доме целую баронессу, и научить их правильно сервировать завтрак.

Сама Эбби успела перекусить оставленными в нашем экипаже припасами, там и узнала, что выезжать наметили ближе к обеду.

— Энтю еще свезло, что весенняя распутица закончилась, а то бы далеко не уехали, а ежели дожидчик какой покрапает, так и не страшно: ветерком обдует, солнышком подсушит, и можно ехать, — словно маленькой, втолковывала мне она.

Ну, раз спешить некуда, а заняться нечем, можно немного почитать. С собой в дорогу я прихватила и старенький атлас, и потертое издание настольной книги домашней хозяйки. Вряд ли их кто-то хватится, а мне они могут пригодиться.

С атласом я уже ознакомилась, а вот на справочник по домоводству просто не было ни времени, ни сил. Открыв книгу, пробежалась по содержанию. В первых строках зна-

чилось: «Полезное ведение домашнего хозяйства». Уже интересно! Я перевернула страницу, знакомясь с местными хозяйственными устоями.

В книге подробно перечислялось, сколько в доме надлежит иметь посуды, полотенец, постельного белья. Какими средствами следует чистить серебро и натирать мебель. Как стирать нежные ткани или шить. Настоящий клад полез- ных советов. Чего только стоят эти строчки:

«На кухне требуется иметь два-три стола с деревянной столешницей, добела вычищенной скребницей и столбик для отбивания и разрубания мяса и костей, так как столы от этого скоро расшатываются».

Дельный совет, сама бы я до этого не додумалась. Или вот это:

«Кухонная посуда и все вещи должны содержаться в чистоте. Для этого тотчас после употребления их следует мыть мочалом, а медную утварь чистить сверху до блеска битым кирпичом или следующим составом: стакан уксуса, семь стаканов воды, чайная ложка соли и немного муки, чтобы получилось жидкое тесто. Этим составом следует намазать посуду, через некоторое время обмыть и вытереть насухо сукон- ной тряпочкой».

Интересно, это действительно работает? Только сейчас я в полной мере осознала, куда попала. Мыть посуду битым кирпичом вместо моющего средства... Кажется, будет немного сложнее, чем я думала.

Справочник оказался занятной книжицей, я решила не убирать его назад в сундук, а почитать в дороге. Может, еще что дельного вычитаю.

Время близилось к обеду, требовалось освобождать комнату или доплачивать за еще один день. Хозяйка радушно предложила приготовить припасов в дорогу, но, помня их расценки, я отказалась, решив, что лучше пообедаю припасенными в дилижансе колбасой и сыром. И вообще, не лучше ли останавливаться на постоя в деревнях? Там все дешевле, да и кормят вкусней. Опять же нет шумных и подвыпивших соседей.

Я высказала свою мысль сначала Эбби, а потом, когда мы остановились на очередную передышку, Фреду. Были бы ночи не такие холодные, я бы вовсе ночевала в дилижансе, который про себя уже давно стала называть каретой.

Фред меня внимательно выслушал и обещал подумать. Еще же нужно и с возницей договориться.

Как бы там ни было, дорогу действительно развезло. Стоило заехать в низину, как колеса нашего тяжелого экипажа начали вязнуть в грязи. Лошади всхрапывали, выбивали копытами мокрую землю, вытаскивая карету на более-менее сухой участок.

Вечерело, небо вновь затянулось серыми тучами, поднялся ветер. Возница что есть силы подгонял и так уставших лошадей, стараясь выехать из леса дотемна. И вот уже когда впереди появился светлый прогал лесной опушки, под

дном дилижанса что-то хрустнуло и он резко завалился набок. Я едва успела убрать ноги от покотившегося в мою сторону сундука. Эбби рядом ругалась и постанывала, кажется, она сильно ударилась.

Дверь распахнулась, внутрь заглянул обеспокоенный Фред.

— Все живы?

— Что случилось?

— Ось на колесе лопнула, чинить надобно. И нет бы днем, а тут, как назло, к ночи. Ладно хоть лес проехали.

С помощью Фреда мы с Эбби выбрались наружу. Это было нелегко, так как карета сильно завалилась набок, а дорогу перекрывали сдвинувшиеся с места сундуки.

На улице снова похолодало, с неба срывалась мелкая, словно пыль, изморось. Перед нами уже маячила перспектива ночевки на обочине, когда вдалеке показался тусклый огонек. Он словно пьяный плясал, подпрыгивая и качаясь из стороны в сторону. Только когда он совсем приблизился, мы поняли, что это повешенный на оглоблю фонарь. С нами поравнялась обычная деревенская телега.

— Чаво, сломались? — На телеге, завернувшись в тулуп по самые брови, сидел мужичок.

— А то сам не видишь! — вздохнул Фред.

Мужичок спрыгнул с телеги, взял в руки фонарь, деловито обошел наш дилижанс по кругу.

— Это вы *на*долго встряли! Сурьезный ремонт требуется!

— Мужик оценивающе прищурился.

— Скажи, мил человек, до жилья далеко? Видишь, у меня тут дамы, замерзнут совсем.

— Дык деревня недалече, я туда и еду. У кума малясь за- сиделся, вот и пришлось впотьмах добираться. Ежели ваши барышни моим жильем не побрезгуют, так милости просим!

Да мы сейчас даже шалашу были бы рады!

Мужичок назвался Пронькой и гостеприимно пригласил нас в свою телегу. Было заметно, что у кума он задержался не просто так, от мужика явственно пахло медовухой. Фред не хотел отпускать нас с ним одних, но и хозяйское добро оставлять без присмотра тоже не мог.

Общими усилиями сундуки перегрузили на телегу, в карете остались лишь перины да подушки. Везти их по такой погоде — только портить.

Фред договорился с возницей, что поутру прийдет к нему кого-нибудь на подмогу, а эту ночь придется ему провести в сломанном дилижансе.

Деревенька действительно оказалась совсем рядом. Усадив меня и Эбби на телегу, мужчины шли рядом. Лошадку даже не приходилось понукать — видать, она сама хотела поскорее добраться до дома и отдохнуть.

Деревня возникла перед нами внезапно, вынырнув из темноты темными силуэтами домов. В редком окне светился тусклый огонек. Пару раз лениво твякнули сонные собаки, но, признав своего, сразу замолкали.

— Спят все, — пояснил Пронька. — Оно и верно, неча зазря свечи да лучину переводить!

Лошадь тем временем остановилась, ткнувшись мордой в закрытые ворота.

— Вот и добрались. — Мужик что есть силы застучал кулаком по воротам, горланя: — Мать, открывай, я тебе постояльцев привез!

Окна в доме вспыхнули зыбким огоньком, посветлели и окошки в соседних домах. Видать, своими воплями Пронька успел перебудить половину деревни.

Воротина приоткрылась, к нам вышла сонная женщина в длинной ночной сорочке и накинутой на плечи шали.

— Где тебя бесы носили, чаво горланишь на ночь глядя, окаянный?

— Неча ругаться, видишь — не один я? Гляди, кого у леса встретил. Благородные господа. Ты их в избе устрой, а я пока лошадь распрягу. — Пронька гордо выпятил грудь колесом, кивая в нашу сторону.

Завидев нас, хозяйка заохала, пошире распахивая ворота.

— Да что же с вами такое приключилось? Промокли, замерзли небось! Вы в дом, в дом ступайте! Изба-то у нас небогатая, тут уж не обессудьте, зато я с вечера печь протопила, тепло у нас, тут и согреетесь.

В избе действительно было тепло, а еще темно — хоть глаз выколи. Вошедшая с нами хозяйка вдруг громко гаркнула:

— Грунька, подь суды!

От неожиданности я аж вздрогнула.

В углу избы послышался какой-то шорох, и молодой женский голос ответил:

— И чего вы, маменька, все по ночи шарахаетесь? Спать ложитесь, вставать рано!

— Ты лучину-то зажги, гости у нас!

Кто-то прошлепал босыми ногами по полу, что-то грохнуло, следом зажегся крошечный огонек. В его свете я смогла разглядеть стоящую возле печи молодую девушку. Через минуту огоньков стало несколько, и в избе заметно посветлело.

— Вы трапезничать будете или вас сразу спать уложить? — поинтересовалась хозяйка.

Мы с Эбби переглянулись. Я так устала, что сил на ужин вовсе не оставалось, тем более мы уже успели немного перекусить в дороге.

Нянюшка тут же взяла инициативу в свои руки, договариваясь с хозяйкой о ночлеге, затем они вдвоем принялись командовать хозяйской дочкой, чтобы та приготовила мне постель. Судя по всему, спать я буду на ее кровати.

Дверь отворилась, мужики принялись один за другим вносить в дом сундуки. Хозяйка тут же заругалась на них:

— Двери-то прикрывайте, всю избу мне выстудите, окажнные!

От суеты и шума у меня стало побаливать в висках, а может, это я просто на ветру продрогла. Все же это тело такое

слабое и изнеженное!

Пока заносили сундуки, Грунька показала место моего ночлега. Узкая деревянная кровать отделялась от остального дома чем-то вроде плетеной ширмы — этакий заборчик прямо в доме. Зато там спокойно можно было раздеться, хотя в таком полумраке и так мало кто что смог бы рассмотреть.

Эбби помогла мне снять платье и, укрыв толстым лоскутным одеялом, вернулась к хозяевам дома. До меня еще некоторое время доносился их бубнеж, а потом я уснула.

В деревне мы застряли на целых два дня, поломка оказалась действительно серьезной. Утром дилижанс кое-как дотащили до деревни, которая расположилась не на самом тракте, а в небольшом отдалении и прикрывалась с дороги молодой рощицей.

Пронька гордо ходил по улице, ведь в его доме остановились настоящие благородные господа. Видимо, для солидности он разом облагородил и Эбби с Фредом.

Изба у него действительно была небогатой, нам даже провизию пришлось закупать по соседям. Я сама видела, как Пронька подбоченьясь стоял у плетня, а к нему по очереди подходили селяне, предлагая то курицу, то колобок масла, то пяток яиц. Я спросила у Эбби, отчего так, и она пояснила, что подати в барскую казну селяне платят звонкой монетой, а ее в деревне еще поди найди. Обычно тут действовал товарный обмен: шерсть меняли на мясо, мясо на муку, муку на ткани. Потому селяне так радовались возможности что-

то продать за наличные.

В избе сустились супруга Проньки и его дочка, рыжая конопатая Грунька. Только утром я рассмотрела, что девице было лет пятнадцать, не больше. Она с завистью смотрела, как Эбби вплетает мне в косу широкую атласную ленту. А количество стоящих возле стены сундуков так и вовсе приводило ее в восторг.

— Отродясь столько добра не видела, — вздыхала девчонка.

За два дня мы немного здесь обжились. Эбби рассказала хозяевам, что я вдовствующая баронесса Тирсо, направляюсь в свои земли. Груня подсаживалась рядом, слушая рассказы о нашей поездке.

— А вот я дальше соседней деревни никуда не ездила.

— Ничего, у тебя еще впереди, вот выйдешь замуж и в город на ярмарку поедешь, — улыбнулась я девушке.

— Да какое замуж, — махнула она рукой. — Парней в деревне раз-два и обчелся. Тех, кто посправней, еще щенками разобрали, остальные в город на заработки подались, остались одни непутящие, так, видать, и придется в старых девах куковать. — Она как-то по-взрослому вздохнула, перекидывая за спину толстую рыжую косу. — Я, может, тоже по осени в город сбегу, работать стану. Я сильная, много чего умею! Все лучше, чем тут в одиночестве сгинуть!

Прислушивающаяся к нашему разговору Эбби начала расспрашивать девицу, умеет ли та стирать, готовить и в до-

ме прибираться. Потом, когда мы вышли во двор погреться на солнышке, нянюшка снова удивила меня.

— Как тебе хозяйская дочка, глянулась ли?

— Хорошая девчонка, жалко ее. Если в город сунется, то и пропасть может.

— Значит, по нраву тебе Грунька пришлась? — прищурилась Эбби.

— О чем это ты, нянюшка?

— Стара я стала, помощница мне нужна, а тебе горничная. Девчонка, конечно, несмышленная совсем, так ее обучить можно, воспитать под себя. Хороших горничных поди еще сыщи.

— Да отпустят ли ее родители? — засомневалась я. Все же не в соседнюю деревню, а на другой конец страны едем.

— За это, голуба моя, не переживай, с ними я сговорюсь за деньгу малую, а девчонке если место горничной посулишь, так она за дилижансом сама побежит! Главное, чтобы она тебе глянулась.

Я задумалась. Груня — девушка статная, с широкими покатыми плечами и сильными руками. Сразу видно, что с тяжелой работой знакома не понаслышке. В доме хоть и бедно, но чистенько, и сама девушка опрятная, всегда причесана, одежда не новая, но аккуратно заштопанная. У печи тоже все больше она кружится, значит, готовить умеет.

Когда Эбби завела разговор с ее родителями, те чуть в ноги не бухнулись, так были рады, что дочка будет жить в

хозяйском доме. Рыжей да еще конопатой девушке действительно не везло с парнями, а так хоть к делу приставлена будет — сыта, одета, не пропадет!

А уж как радовалась сама Груня, собирая в узелок свое нехитрое приданое: немного белья, два платья, шаль и то самое лоскутное одеяло, которым я накрывалась.

Утром, простившись с радушными хозяевами и отблагодарив их за постой горстью монет, мы отправились дальше. Погода наладилась, дорога просохла, отдохнувшие лошади резво бежали вперед. С каждым часом становилось заметно теплее. То ли весна решила наконец-то вступить в свои права, то ли мы двигались ближе к югу.

Первое время Груня не отлипала от окна, все ей было интересно, но вскоре однообразный пейзаж ей наскучил и она, привалившись боком к стенке дилижанса, задремала. Нянюшка неодобрительно покосилась на девчонку, но промолчала, видимо решив заняться ее воспитанием позже.

Я же, пока было светло и не сильно трясло, читала справочник по домоводству. Некоторые вещи были мне понятны, другие удивляли, иногда за разъяснениями я обращалась к Эбби. Мои вопросы больше ее не удивляли, нянюшка с удовольствием рассказывала мне, как тут устроен быт.

Больше всего меня поражало, что здесь есть магия. В книге не раз попадались строки типа «вставьте магический накопитель и проверните два раза». Из справочника я уже знала, что на магической тяге может работать кухонная плита, лам-

пы освещения и даже водопровод. Вот только в памяти Элены таких магических штук я не заметила. Правда, и показали мне немного, только то, что касалось самой девушки.

Сегодня мы решили не заезжать на постоянный двор, а заночевать прямо у дороги на одной из стоянок. Тут уже собралось несколько повозок и телег, мы присоединились к их компании. Провизии закупили еще в деревне, ее должно было хватить на несколько дней, разложим в дилижансе наши перины и спокойно выспимся.

Мужчины решили спать под каретой, у каждого с собой имелся сверток с теплым шерстяным одеялом и толстой войлочной подстилкой.

В ночь караулили стоянку по очереди, по человеку с двух разных повозок — чтобы не было сговору. Стреноженные лошади тоже паслись все вместе, пощипывая сочную травку. В этих местах она была значительно гуще, а на кустах и деревьях уже разворачивались первые крохотные листочки.

С тех пор так и повелось — день мы ехали, останавливаясь лишь для того, чтобы дать отдых лошадям и размять ноги, а к вечеру выискивали такую вот стоянку, чтобы спокойно отдохнуть. И самое главное — это не стоило мне даже самой мелкой медной монеты, а сэкономленные деньги я тратила на продукты, подкармливая даже возницу, мужчина старался экономить и явно недоедал.

С каждым днем менялся пейзаж за окном дилижанса, деревьев становилось все меньше, кругом тянулись одни толь-

ко бескрайние степи. На одной из стоянок мы остановились прямо посреди поля разноцветных тюльпанов. Такую красоту я видела впервые!

Глава 7

Цветы, словно разноцветные волны, колыхались на ветру. Степь тянулась во все стороны, куда только хватало глаз. Пока Эбби с Груней готовили обед, я решила немного прогуляться, надышаться этой красотой. Так и хотелось нарвать яркий букет, но я одергивала себя: в дороге тюльпаны быстро увянут и потеряют свою красоту, пусть уж лучше они радуют глаз всех проезжающих по тракту.

Кстати, с каждым днем повозок на дороге становилось все меньше, сегодня рядом с нами на стоянке остановилось две телеги. Правда, немного странные: у них было всего по два колеса, а сверху приделаны полукруглые дуги с натянутой на них тканью. Фред пояснил, что такая телега называется «арба».

— Местные часто ими пользуются, на горных дорогах удобнее ехать на двух колесах. Большие экипажи слишком неповоротливы.

После его слов я уже внимательнее присматривалась к этим повозкам. Раз уж мне придется жить в этих краях, любая информация не будет лишней.

Груня расстелила на земле старый плед, служивший нам обеденным столом, на салфетке расставили тарелки с нарезанной колбасой и сыром, а также миску горячей каши. У

возницы в запасе нашелся дорожный котелок, который мы позаимствовали у него напрокат, расплачиваясь за это той же кашей, чему он был несказанно рад.

А вот с чаем и другими напитками стало намного сложнее. Чем дальше мы ехали, тем меньше рек и ручьев встречалось на пути. В деревнях, конечно, имелись колодцы, только и самих деревень стало куда меньше. Можно было проехать несколько часов пути и не встретить никакого жилья.

Дорога стала уже. Если раньше у иного города можно было с трудом разъехаться с другими экипажами и мы старались объезжать такое поселение по проселочной дороге, то тут лишь изредка встречалась повозка или арба. И двигаться они старались, сбиваясь в обозы по несколько штук. Вот и эти две арбы, что сейчас отдыхали по соседству, пристроились нам в хвост часа три назад.

Я сначала пугалась такого внимания, но Фред объяснил: делается это часто, случись что в дороге — тебе помогут. Ведь до ближайшего жилья не так-то просто добраться.

Пока я обедала, Груня крутилась рядом — то подавала влажное полотенце, чтобы вытереть руки, то подливала в кружку холодного отвару, который приготовили еще утром. Эбби всерьез взялась за обучение девушки, и та с готовностью выполняла ее наставления. Груня очень гордилась своим званием горничной не абы кого, а настоящей баронессы.

После обеда я еще немного прогулялась, пока мне не приспичило в кустики. Проблема состояла в том, что кустиков

на горизонте не наблюдалось. Выручил тот самый плед, и мы, по очереди прикрывая друг друга, с его помощью справились с этой непростой задачей. В дороге быстро учишься приспосабливаться.

Солнышко припекало, стало уже по-летнему жарко. Нагулявшись, я с удовольствием забралась в прохладу дилижанса. Эбби и Груня укладывали наши вещи — пора ехать дальше. Это была наша последняя стоянка под открытым небом, вечером мы должны добраться до последнего крупного города — Лафкарда, там и заночуем.

Утром мне нужно будет посетить мэрию и зарегистрировать свои права на землю, поэтому было бы неплохо привести себя в порядок, все же дорога вышла не из легких, к тому же я уже неделю не мылась.

Вот уже на горизонте показались пики далеких гор. Ближе к вечеру мы проехали сразу несколько деревень, значит, до города совсем близко.

Вдоль дороги паслись многочисленные стада коз и овец. Иногда встречались сбившиеся в кучку кусты солнечно-золотистой акации, а возле самого города мы заметили несколько фруктовых садов и аккуратные прямоугольники полей.

В Лафкарде преобладали два цвета: серый и белый. Все строения, даже самые маленькие, были построены из белого или серого камня. Горожане тоже предпочитали носить одежду этих двух расцветок. Но эту монотонность с лихвой

расцветивали яркие краски цветущих растений, а они тут были повсюду: полосами росли вдоль дорог, благоухали в горшках и кадках, стоящих на ступенях домов, даже на плоских крышах некоторых построек стояли ящики с цветами.

Поспорить с ними в яркости могли только разноцветные шали местных жительниц, многие носили их на плечах как украшение. Да и сами барышни были смуглые, черноглазые и темноволосые, я пока не заметила среди них ни одной блондинки или рыженькой. Правда, и побывали мы только на окраине, народ тут жил победнее. Может, в центре все будет совсем по-другому.

Постоялый двор, на котором мы остановились, представлял собой каменное одноэтажное строение, порадовавшее своей чистотой. Постояльцев тут было немного, да и те, что имелись, вели себя тихо и спокойно. В обеденном зале остро пахло перцем и другими приправами. В этот раз я решила пообедать здесь, вместе со всеми, хотелось наконец сесть за нормальный стол, а не сгибаться в три погибели.

Покормили нас очень вкусными бараными ребрышками и тонкими пресными лепешками. В кувшине оказался странный белый напиток, похожий на жиденький кефир. Хозяйка объяснила, что напиток называется тан. Мне понравился его кислый, слегка солоноватый вкус, а вот Эбби и Груня не оценили, я видела, как они морщились, допивая свою порцию.

Когда я поинтересовалась, можно ли здесь помыться, мне ответили:

— Конечно! В купальне!

Купальней оказалась отдельная комнатка с печью немного странного вида, сложенной из подобранных по форме камней. Тут стояло несколько деревянных бочек, вдоль стены тянулась широкая каменная скамья. Камень здесь преобладал везде, заменяя даже некоторые элементы мебели.

С каким же наслаждением я забралась в теплую воду! Не удержалась и окунулась в нее с головой. Раздетые до нижних сорочек Груня и Эбби тоже были тут, помогая мне мыться.

Нянюшка достала из сундука кусок светлого душистого мыла, сама намыливала им небольшую тряпочку и передавала ее Груне, а уже девушка терла ею мне спинку, вызывая такое блаженство, что я чуть не стонала от удовольствия. Дольше всего пришлось повозиться с волосами, чтобы промыть их как следует. Мне еще предстоит научиться ухаживать за этими длинными и густыми локонами, в прежней жизни я предпочитала удобную короткую стрижку.

Казалось, я сбросила с себя сразу несколько килограммов, даже дышать стало легче. Пока я, сидя у печи, сушила волосы, Эбби и Груня по очереди вымылись в той же бочке. Их нисколько не смущало, что кто-то там уже купался до них.

Переодевшись в чистое, я и Эбби отправились в выделенную нам комнату, а Груня осталась стирать грязные вещи. Нянюшка пояснила, что за горячую воду уже уплачено, нечего добру пропадать!

В комнате у стены стоял низкий топчан с матрасом и

несколькими подушками. В углу лежали еще два скрученных в рулон матраса. Как я поняла, слугам тут полагалось спать прямо на полу.

У топчана стоял небольшой столик, на котором обнаружился кувшин с таном и вазочка с тюльпанами. Постельное белье пахло солнцем и немного травами. Этот постоянный двор разительно отличался от того, в котором мы останавливались на большом тракте, и мне тут нравилось!

И спалось тут сладко и спокойно.

Утром Эбби и Груня в четыре руки принялись меня одевать и причесывать. Для поездки в мэрию из сундука достали самое нарядное платье — розовое с пепельной отделкой. Его пошили для предстоящего выхода в свет, да вот не сложилось. Хотя нужно отдать должное, вкус у мачехи имелся — платье действительно было замечательное, эти два цвета гармонично сочетались друг с другом и удивительно шли к моим светлым волосам.

За эти несколько дней болезненная бледность сошла с моего лица, я уже не напоминала оживший труп. Свежий воздух и деревенское питание сделали свое дело — щеки порозовели, темные мешки под глазами разгладились. Да и чувствовала я себя отлично!

С вечера Эбби накрутила несколько прядей моих еще влажных волос на узкие полосочки ткани, и теперь, когда мы их развернули, я с удивлением увидела тугие кудри. Надо же — такая простая замена бигудям, и спать на них удобно.

Волосы Эбби зачесала наверх, соорудив высокую прическу и оставив несколько кудряшек свободно обрамлять мое лицо. Жаль, что в своем крошечном зеркальце я могу видеть себя только частями, но, думаю, получилось очень мило, не зря же Груня смотрит на меня с таким восторгом.

К платью прилагались тонкие ажурные перчатки, такой же тоненький шарфик на плечи и небольшой мешочек из атласной ткани в тон, заменяющий дамскую сумочку. Эбби назвала этот мешочек довольно знакомым словом — «кисет». У меня оно ассоциировалось с махоркой и куревом, а оказывается, изначально это сумочка для леди.

В кисет я сложила несколько монет и с трудом запихала документы, которые передал мне отец. В дороге я успела их хорошо рассмотреть. Один из свитков представлял собой что-то вроде местного паспорта и удостоверял мою личность. Еще несколько бумаг касались моей вдовьей доли — выплат, земли и иного имущества. Подробностей там не было, и я рассчитывала все узнать в мэрии.

Расплатившись с хозяином постоялого двора, который запросил с нас совсем небольшую сумму, мы забрались в дилижанс. Возница долго и нудно расспрашивал дорогу, так что хозяин не выдержал и крикнул своего сына, мальчишку лет четырнадцати-пятнадцати.

— Дамир укажет вам дорогу.

Парнишка ловко вскарабкался на сиденье рядом с возницей, и экипаж тронулся с места.

Ближе к центру город оказался еще красивее, дома тут строились выше и просторнее. Жители побогаче предпочитали возводить стены своего жилища из светлого камня, поэтому центральная часть города казалась белоснежной.

Крошечная площадь перед мэрией была выложена серым булыжником, а по периметру росли небольшие деревья, сплошь усыпанные душистыми белыми цветами. Из любопытства я подошла ближе.

— Апельсин? — Мне, отлично разбирающейся в ботанике, не составило труда узнать его по темно-зеленым лощеным листьям. Даже если это не апельсин, то точно что-то из цитрусовых.

На минуту мне показалось, что я попала в сказку, так красиво тут было. Окутывающий деревья аромат напоминал жасмин, только чуть слаще, с терпким послевкусием. Он слегка пьянил, кружа голову.

— Леди Елена. — Стоящий рядом Фред напомнил своим присутствием, зачем мы сюда прибыли. Точно, нам нужно в мэрию.

По белым каменным ступеням мы шли с ним вдвоем. Эбби и Груня остались в карете. Не по статусу им по мэриям расхаживать.

Народа в здании было немного, преимущественно мужчины, и все с интересом поворачивались в мою сторону. Остановив пробегающего мимо служащего, ухватив того за рукав, Фред поинтересовался, куда нам следует обратиться.

— Баронесса Элена Тирсо прибыла, дабы заявить права на земли своего почившего супруга! — громко заявил он.

Интереса в глазах окружающих прибавилось.

Служащий принялся кланяться, пятась от нас задом, но Фред крепко держал его за рукав и даже немного встряхнул. Служащий, видимо, наконец пришел в себя и, продолжая кланяться, залебезил:

— Леди к господину мэру нужно.

— Веди! — приказал Фред.

Мэр обитал на верхнем этаже двухэтажного здания. Впрочем, я уже заметила, что выше здесь и не строили — земли-то вдоволь. По пути Фред успел узнать имя господина мэра — Эндрю Трюдо. Служащий поскребся в дверь, потом, приоткрыв ее, громко назвал мое имя и титул и только после этого отошел, уступая дорогу.

Нацепив на лицо приветливую улыбку, я вошла в кабинет и присела в легком реверансе. Раз уж мне здесь жить, нужно расположить людей к себе, тем более таких влиятельных, как мэр.

Главой города оказался статный мужчина преклонного возраста с еще густой седой шевелюрой и ухоженными усами. Он вскочил, шагнул мне навстречу, и я сразу подумала, что, судя по выправке, это бывший военный.

— Госпожа баронесса, очень рад встрече! Не думал, что такая юная леди отважится отправиться в наши суровые края.

— Что вы, господин Трюдо, я прибыла не так давно, но уже влюбилась в ваш замечательный город! Он чудесен!

Мужчина еще больше приосанился и подкрутил ус. Моя похвала явно пришлась ему по сердцу.

— Пришлось приложить много усилий, чтобы привести его в порядок, но результат того стоит. Не желаете присесть? Чаю? Щербета?

— Благодарю, если можно — чаю. И я хотела бы не откладывая решить вопрос с моими документами. — Придерживая пышный подол, я постаралась как можно изящнее сесть в предложенное кресло и достала из сумочки документы, передав их Трюдо.

Мэр, взяв свитки, сделал знак стоявшему возле двери служащему, и тот бесшумно выскользнул за дверь. Фред тенью встал у меня за спиной.

— Похвальная целеустремленность для юной леди!

— Сначала дела, — скромно улыбнулась я.

Трюдо внимательно просмотрел мои бумаги, поднял голову и, как бы сомневаясь, спросил:

— Вы твердо решили принять Лафкардию в управление? Для одинокой леди это будет довольно непросто. На положенные вам средства вы могли бы снять хороший дом в городе и ни в чем не нуждаться.

Странно, это выглядит так, словно он пытается отговорить меня от вступления во владение полагающимся мне имуществом. Думает, что молоденькая девушка не справит-

ся с небольшим поместьем? Ну уж нет, своего я никому не уступлю! Кстати, у поместья такое красивое название — Лафкардия, видимо, в честь долины назвали, мне нравится.

— Да, я твердо решила стать хозяйкой Лафкардии!

— Что ж, думаю, это не займет много времени. Сейчас мы все устроим.

Трюдо поднялся со своего места, снял с шеи ключ. Открыв им спрятанный в стене сейф, взял оттуда небольшую шкатулку и толстую книгу в темном кожаном переплете. В шкатулке оказалась печать, мэр шлепнул ее на каждый из моих документов, затем что-то записал в книге. Снова встав, убрал шкатулку назад в сейф. Теперь он достал оттуда небольшой мешочек. Судя по характерному позвякиванию, с деньгами.

Принесли чай. На подносе стояла тоненькая фарфоровая чашечка с янтарной жидкостью и блюдце со сладостями. Я с удовольствием сделала глоток, пить действительно хотелось. С удивлением узнала привычный вкус настоящего зеленого чая! Неужели по утрам я буду пить свой любимый напиток?!

Мэр тем временем взял лист бумаги и молча принялся писать. Потом развязал мешочек, достав из него несколько монет.

— Госпожа баронесса, с этого дня вы являетесь полновластной владелицей долины Лафкардия.

— Долины? — Я чуть не поперхнулась чаем.

— Долины и всего движимого и недвижимого имущества,

находящегося на этих землях.

— А можно поподробнее? — Мне только сейчас пришла в голову мысль, что об этом нужно было спрашивать немного раньше, до подписания всех документов. — Что входит в мои владения?

Территория оказалась огромной. Трюдо достал карту, показав границы моих земель. Они простирались немного южнее города, длинной широкой полосой пролегая по степи и предгорью. Сразу за моими землями начинались владения тюрского князя. Нас разделял только высокий горный хребет.

Также в мое владение отходили три деревни и замок. Вот тебе и небольшая усадьба! Не такую уж маленькую вдовью долю мне положили родственники супруга. Я-то думала, что мне выделили домик с садом неподалеку от города и на этом успокоились.

Я старалась не так явно радоваться нежданной удаче, иначе господин мэр сочтет меня совсем пустоголовой малолеткой. Ведь ехала сюда в полную неизвестность, совершенно не подозревая, что меня ждет впереди. Впрочем, тогда не до того было, нужно было выжить любой ценой, и я это сделала. Может, при оглашении завещания и говорили о величине наследства, только эти знания до меня так и не дошли, кроме названия долины, где должно находиться мое новое жилище. Кто же знал, что вся эта долина теперь принадлежит мне!

— Кроме всего этого, вам полагается содержание в разме-

ре четырех золотых в год. Получите, распишитесь!

О! Да я теперь настоящая богачка!

Оказывается, господин Трюдо все это время писал расписку в получении денег. Оставила я свой автограф и в книге учета, спрятав выданные монеты в сумочку. Закинула их небрежным жестом, словно я золотые каждый день получаю.

— А теперь поговорим о ваших обязательствах. — Трюдо положил руки на стол, сцепив пальцы в замок.

Так-так-так, и что кому я теперь должна?

— Подати в королевскую казну с ваших земель назначены в сумме полтора золотых в год. В этот раз подать будет чуть меньше, за вычетом тех месяцев, когда земли вам не принадлежали.

— Когда следует платить эти подати?

— Обычно это делается в начале осени, после сбора урожая и до первого снега.

— Могу я оплатить этот год сразу, прямо сейчас? — Я хотела закрыть этот вопрос, отодвинув его еще на год.

— Как пожелаете, госпожа баронесса! — Мэр снова взялся за грифель, сочиняя следующую расписку.

После этого Трюдо любезно разменял мне один золотой, и я оплатила подати за земли, которых еще в глаза не видела.

— Это все? — поинтересовалась я.

— На ваших землях, госпожа баронесса, располагается пограничный гарнизон. Как хозяйка земель, вы должны обеспечивать служивых жильем и пропитанием.

Так, а вот и первая подстава!

Глава 8

— Как много людей служит в гарнизоне? — Я со страхом ждала ответ мэра. Вдруг на моем попечении окажется небольшая армия?

— Человек пятнадцать—двадцать. С тюрским князем у нас давнее перемирие. Хотя бывает, тюрки и заходят на нашу территорию, но проблем от этого обычно не случается. Однако сами понимаете, мы не можем оставить границу совсем без присмотра. Обмундирование и лошадей солдатам выделяет государство, остальное ложится на хозяина земель. Зато охрана будет у вас всегда под боком.

Там еще и лошади! Я чуть не застонала в голос. Их ведь тоже кормить нужно! И едят они не только травку, это я уже поняла по нашей поездке, наблюдая, как возница подвешивает к мордам лошадок мешки с овсом.

— Что-то еще? — Я чуть склонила голову набок, ожидая ответа.

— На этом все. — Мэр захлопнул лежащую перед ним книгу с записями. — Как устроитесь на новом месте, буду рад видеть вас у себя дома. Моя супруга как раз собирается устроить небольшое чаепитие в конце недели, мы вышлем вам приглашение.

— Почту за честь! — Я поднялась с кресла, понимая, что

аудиенция завершена. И так господин мэр принимал меня как важную особу, самолично заполняя документы и выдавая деньги.

Трюдо тоже встал, быстро пересек кабинет, подходя ближе.

— Если вам вдруг понадобится помощь, вы всегда можете на меня положиться, хотя лично я посоветовал бы вам поскорее выйти замуж. Вы уж не сердчайте, леди Элена, на совет бывалого старика, но Лафкардии требуется твердая рука.

— Спасибо, я учту.

Все как всегда: мужчины почему-то считают, что женщина не может сама справиться с тем, что выходит за рамки кухни или гостиной.

Фред уже открыл дверь кабинета. Я, попрощавшись с мэром, уже собиралась уходить. Стоя вполоборота, приветливо улыбаясь и кивая, не глядя сделала шаг вперед и наткнулась на внезапно появившееся передо мной препятствие.

Не ожидая такого подвоха, отпрянула, пышная юбка запуталась в ногах. От падения меня спасли сильные мужские руки, которые подхватили за талию, легко приподняли словно пушинку и отставили в сторону.

— Спасибо! — пискнула я. Фред тут же шагнул ко мне, поддерживая под локоть.

Высокий статный мужчина средних лет в военной форме коротко кивнул и прошел в кабинет мэра. И тут же я услышала его рокочущий густой баритон. Сразу видно — привык

отдавать приказы.

— Господин Трюдо, продовольствие заканчивается, через два дня солдатам нечего будет есть. Вы обещали пополнить запасы еще месяц назад. Мой интендант направлял вам список самого необходимого.

— Господин капрал, боюсь, теперь это не в моей компетенции. — Мэр похлопал военного по плечу. — У замка теперь новый хозяин, вернее хозяйка. Позвольте представить — баронесса Элена Тирсо!

Они оба повернулись в мою сторону, и я заметила мелькнувшую в глазах вояки растерянность.

А мэр тем временем продолжил:

— Со всеми вопросами теперь обращайтесь к леди Элене, а у меня, простите, дела!

Дверь в кабинет мэра закрылась, а мы трое застыли в коридоре немymi изваяниями. Вот и первые проблемы. А я ведь еще даже до замка не доехала.

— Господин капрал, я прибыла в город только вчера, может быть, вы введете меня в курс дела? Раз уж мы оба оказались здесь, думаю, стоит не откладывая решить самые насущные проблемы. Вы что-то говорили про продовольствие? Где вы его обычно закупаете? Сколько потребуется на ближайший месяц?

Я засыпала слегка растерявшегося капрала вопросами. И нечего на меня так пялиться, это я на вид хрупкая милая барышня, внутри сидит сорокапятилетний завхоз!

Продовольствие для гарнизона обычно закупали на рынке. Эх, жаль, я еще цен не знаю, придется ориентироваться на ходу. Я предложила зайти куда-нибудь перекусить и заодно составить список того, что нужно гарнизону в первую очередь.

Список мне тут же выдали, достав из внутреннего кармана мундира. Внушительный такой список! Сразу видно — капрал заранее подготовился к встрече с мэром.

Крупы, овощи, мясо — я читала список, и у меня начинали закрадываться нехорошие подозрения. Ладно крупы, но мясо или ту же капусту с морковкой можно же выращивать на своей земле, а не покупать в городе.

Для начала решила не спорить с господином капралом и закупить все по минимуму. Сколько потребуется провизии для пропитания примерно двадцати человек, я себе отлично представляла. А там потихоньку разберусь, что и как тут устроено.

Глянула на небо, заслонив глаза ладонью на манер козырька. Судя по всему, время близится к обеду, надеюсь, рынок еще работает. Заодно посмотрю цены и товар, ведь каждый день сюда не наездишься. По словам мэра, от моего замка до города добираться больше двух часов.

Рынок работал, каменные прилавки тянулись аккуратными рядами, торговцы лениво переговаривались между собой, покупателей было немного. Оно и понятно: кому надо, уже с утра все закупили. Зато есть шанс немного сбить цену.

Я снова достала список капрала. Вычеркнем вот это и это, крупы можно взять чуть больше, мясо же долго не хранится, сомневаюсь, что в замке есть холодильники. Лучше заменить живой птицей — так и яйцо будет, и по мере надобности птичку можно зарубить и сварить. Не думаю, что здесь большая разница в цене между живой курицей и забитой тушкой.

Набросав примерный план действий, я вместе с Груней и Эбби пошла вдоль рыночных рядов. Нужно было сначала осмотреться, чем торгуют. Фред остался в дилижансе охранять наше добро, вместо него нас сопровождал господин капрал. Кстати, надо бы узнать его имя, все же, можно сказать, не чужие теперь люди.

Капрала звали Джос Рэд. Коротко и по-военному. Ему идет.

Он держался позади, как бы подчеркнуто давая понять, что не собирается вмешиваться в мои дела. Видать, никак не привыкнет, что ему вместо хозяина досталась хозяйка. Некоторые мужчины не терпят, когда женщина по положению выше них.

Так как народа на рынке было немного, нашу процессию, конечно же, заметили. Я, не обращая внимания на любопытные взгляды, уже вошла в азарт, разглядывая выложенный на прилавки товар и прицениваясь.

Надо сказать, выбор был небогат, то ли с утра все разобрали, то ли тут всегда так. Правда, чистенько, этого не отнять. Цены тоже разнились несильно, а вот качество отличалось.

Подойдя к мешкам с обычной пшениной крупой, я сняла с рук перчатки и передала их Груне. Зачерпнула в ладонь горсть пшена, рассмотрела поближе, понюхала, слизнула несколько крупинок и разжевала. Торговец, глядя на мои манипуляции, даже рот приоткрыл. А что он хотел, должна же я проверить качество товара?

Однажды к нам в столовую привезли прогорклую, попорченную шашелем крупу — заведующий решил сэкономить и купил товар не глядя. Крупу, пусть и со скандалом, мы вернули назад продавцу, хорошо еще не успели заразить шашелем всю кухню. Зато с тех пор мы всегда проверяли качество покупаемой продукции лично. Можно сказать, привычка!

— Больно сорная! — Я ссыпала крупинки назад в мешок.
— Есть что почище?

— Госпожа, у меня весь товар лучшего качества, берите, не пожалеете! — тут же подскочил ко мне чернявый торговец от соседнего прилавка.

— Прямо так и лучшего? — прищурилась я.

— Для такой красивой барышни я даже скидку сделаю, берите, не пожалеете, будет у вас самая вкусная каша в Лафкарде!

— Скидку?! — заинтересованно протянула я. — Сколько?

Торговец назвал сильно заниженную цену, видимо, хотел покрасоваться перед соседями. Все же не каждый день такие странные барышни по рынку разгуливают.

Я заглянула в мешок, подхватила горсть крупы, перекатила по ладони. Пшено оказалось таким же сорным, как и на соседнем прилавке. Лизнула, раскалывая зубами крупинку. Вроде свежая.

— Это твоя последняя цена? — уточнила у торговца.

Вокруг нас уже начали собираться любопытные зеваки. Скучно же, а тут настоящее представление.

— Последняя цена! Самая лучшая на рынке! — закивал он.

Я поочередно заглянула во все пять выставленных на прилавке мешков, потом не спеша развязала шелковые тесемки на своей сумочке, отсчитала нужную сумму.

— Беру все пять мешков, вот деньги! — Я высыпала горстку монеток перед ошарашенным торговцем. Он-то думал, что я возьму всего один, потому и назвал такую низкую цену. А теперь под насмешливыми взглядами других торговцев ему ничего не оставалось, как забрать деньги. Сделка состоялась.

— Господин Рэд, позаботьтесь о том, чтобы мешки доставили в вашу повозку. — Я с милой улыбкой повернулась к капралу.

Как ни странно, после этой покупки многие торговцы принялись зазывать меня к своим прилавкам. С некоторыми я долго и увлеченно торговалась, не гнушаясь лично копаться в корзинах с морковью и нюхать и пробовать на вкус подсолнечное масло.

Эбби только ворчала за моей спиной, то и дело протягивая мне носовой платок, чтобы я могла вытереть руки. Зато мне хорошо уступали в цене. Кажется, продавцам самим очень нравилось торговаться, видимо, они тут совсем заскучали.

Когда я направилась к загону с домашним скотом и птицей, за нами уже шла целая толпа любопытных зевак. Эбби тихонько сетовала, что я перепачкаю новенькое платье, Груня же, как обычно, смотрела на меня обожающим взглядом. А вот тут, пожалуй, я передам дело в ее руки, только сначала поторгуюсь как следует.

Я уже поняла, что забитая и ощипанная птица тут стоит даже немного дороже своих живых собратьев. Это мне только на руку, а ощипать ее мы и сами сможем.

Поторговавшись, я немного сбила цену. Зеваки ждали, что я буду делать в этот раз. Неужели думают, что я сама полезу в загон проверять качество покупки?

— Груня, — повернулась я к своей горничной, — отбери три десятка кур посправнее. Справишься?

— Как не справиться, леди Элена, дело-то привычное!

Девушка вошла в загон. Ловко вылавливая птицу, она ощупывала ей брюшко и грудку, смотрела, какого цвета клюв, объяснив мне, что чем курочка моложе, тем клювик у нее желтее, да и лапки у молодок гладенькие, без натоптышей, а гребешки небольшие и яркие.

Поймав понравившуюся курицу, Груня передавала ее торговцу, тот обматывал птичьи лапы бечевкой и складывал кур

в мешок. Надеюсь, птички нормально перенесут дорогу.

Это была наша последняя покупка. Уже давно перевалило за полдень, солнце припекало совсем по-летнему, очень хотелось есть и пить. Можно было пообедать в каком-нибудь местном кафе, но я сильно переживала за судьбу купленных кур. Нужно поскорее довести их до замка. А перекусить можно и на ходу, прямо в карете, тем более уже через два с половиной часа мы будем дома.

Капрал Рэд ждал нас возле дилижанса. Рядом стояла телега, нагруженная покупками. Как потом выяснилось, сам капрал прибыл в город верхом, а телегу пришлось нанимать тут, в городе. Вот еще дополнительные траты, как будто мне их мало! Неужели, отправляясь за провизией, капрал не мог предусмотреть, что понадобится транспорт довести груз до места?!

Если честно, этот солдафон начал меня откровенно подбешивать, но я решила дать ему шанс. Может, все не так плохо и во мне сейчас говорят взбунтовавшиеся гормоны?

Как бы там ни было, но уже через полчаса мы выехали из города, направляясь в сторону гор. Я с нетерпением выглядывала в окошко — совсем скоро должны начаться мои владения. Судя по карте в старом атласе, вот прямо за этим холмом.

Глава 9

Мои земли начинались примерно в получасе езды от города, это подтвердил капрал Рэд. Он ехал рядом на приземистом жеребце со странно лохматыми ногами. Его конь был немного ниже привычных мне лошадок, вероятно какой-то местный вид.

На вопрос, где заканчиваются мои владения, он ответил: — Видите вон те горные вершины?

Я кивнула, высунувшись в окошко. Горы с каждой минутой становились все ближе и выше.

— Граница проходит ровно по вершинам тех пиков, с другой стороны уже турецкие земли.

Огромная территория. Наше фермерское хозяйство тоже было немаленьким, но тут явно совсем другие масштабы. Я задала капралу еще несколько вопросов, на которые он отвечал с явной неохотой. Из нашего разговора я поняла, что, чтобы пересечь эти земли поперек, уйдет часа четыре верхом, а если вдоль — то все восемь. Замок располагался примерно посередине.

Вдоль дороги, зеленея молодой травкой, раскинулась степь. Но все чаще из земли торчали огромные валуны, а спустя еще полчаса ландшафт и вовсе разительно изменился. Мы явно въезжали на территорию предгорья. Дорога пет-

ляла среди нагромождений камней, переходящих в высокие скалы. Она то шла вверх, то спускалась вниз так круто, что лошади едва удерживали наш тяжелый дилижанс.

Груня даже несколько раз испуганно пискнула, а Эбби, побледнев, вцепилась руками в сиденье и что-то быстро шептала, скорее всего молитву. Я уже бывала на горных дорогах, но даже у меня сердце замирало на очередном стремительном спуске. Иной раз от опрокидывания карету удерживало лишь чудо.

Но вот все закончилось, и дорога выровнялась, я снова высунулась в окошко и замерла от восторга. Перед нами раскинулась огромная изумрудная долина. Посреди нее возвышался горный уступ, на котором, будто вырастая из камня, стоял замок.

Высокие серые стены словно были продолжением каменной скалы. Над стенами виднелось несколько сторожевых башен и части крыш внутренних построек. На замок это походило мало. Крепость — вот что приходило на ум при взгляде на это величественное монолитное сооружение.

Даже издали я видела, насколько оно огромное, а уж когда подъехали ближе, и вовсе слегка опешила. Возникло ощущение, что за этими стенами скрывался небольшой городок.

И я не ошиблась. Дорога снова пошла вверх, петляя между камней, пока мы не уперлись в узкие, обитые листами железа ворота. В воротах имелась небольшая дверь. Она открылась, и наружу вышел мужчина в военной форме. Он о чем-

то переговорил с капралом, несколько раз посмотрев в сторону нашего дилижанса, потом снова скрылся в проеме двери. Ворота дрогнули и медленно со скрипом начали открываться.

Первым в замок въехал капрал, за ним последовал наш дилижанс, а затем уже и нагруженная припасами телега.

Камень. Кругом один серый камень. Огромный двор занимали ряды каменных построек. Настоящая улица. Она вела к величественному строению, такому же серому, как и все вокруг.

Замок походил на многоярусный торт — каждый его этаж был чуть меньше предыдущего. По кромке крыши каждого яруса высился небольшой зубчатый бордюр, получалось что-то вроде открытой террасы или кругового балкона. Этажей было четыре, не считая увенчивающей строение круглой башни, которая поднималась еще на два этажа.

Боюсь предположить, сколько потребовалось труда и средств, чтобы возвести все эти строения и в особенности высокую каменную ограду. Случись война, эта крепость стала бы почти неприступной.

Капрал подъехал прямо к широким каменным ступеням и там спешил. Навстречу ему выбежала женщина в красивом пышном платье и накинутой на плечи яркой шали. Заметив дилижанс, она резко остановилась. По мере того как капрал что-то говорил ей, улыбка постепенно сходила с ее лица, а на лбу появилась недовольная морщинка.

Интересно, кто она? На вид даме было лет двадцать пять, не больше. Черные как вороново крыло волосы, смуглая кожа, темные, слегка раскосые глаза — женщина была красива особой яркой красотой, присущей дочерям южных земель. Она что-то резко ответила капралу, даже поднялась на одну ступеньку, словно собираясь вернуться в замок. Капрал заговорил снова, и дама все же остановилась, нацепив на лицо крайне недовольное выражение.

О чем они говорили, я так и не услышала — слишком далеко от ступеней остановился наш дилижанс. Ближе подъехать не позволяли стоявшие возле крыльца огромные каменные вазоны.

Фред с небольшой заминкой помог мне выбраться из кареты, зато я успела немного осмотреться. Подождав, когда за моей спиной встанут Эбби и Груня, я со своей маленькой свитой направилась к замку.

Стоило мне подойти к ступенькам, как капрал сноваглянул на стоявшую чуть выше даму, и та с недовольным видом спустилась вниз, присев в легком реверансе.

— Госпожа баронесса, позвольте представить вам метрессу Тамарис.

Метресса? Это что за титул такой? Ничего подобного раньше я не слышала. Судя по одежде, она важная особа, поэтому я приветливо улыбнулась и кивнула в ответ.

На лице Тамарис проскользнула растерянность. Я что-то не так сделала? Не сильна я в местных этикетах.

Капрал чуть кашлянул, и женщина, попытавшись выдать из себя улыбку, заговорила красивым певучим голосом:

— Рада приветствовать вас, госпожа баронесса. Вы к нам надолго?

— Думаю, навсегда. Эти земли, как и замок, теперь принадлежат мне.

Похоже, это местная экономка, пришло мне в голову. Видать, она раньше была полновластной хозяйкой замка, а тут я появилась, вот она и недовольна. Знаю я таких, нужно показать, кто в доме хозяин, подобные люди понимают лишь позицию силы, поэтому я с гордым независимым видом поднялась на несколько ступеней, остановилась, обернулась и, глядя на Тамарис сверху вниз, приказным тоном велела:

— Пусть все слуги соберутся в большом зале, я желаю их видеть. И сундуки с моими вещами нужно отнести в хозяйские покои!

Лицо Тамарис пошло пятнами. Словно преодолевая себя, она присела в реверансе, выдавив:

— Слушаюсь, госпожа баронесса.

Женщина легко взбежала по ступенькам, чуть не задев меня краем юбки. На миг меня окутало тяжелым мускусным ароматом. М-да, знакомство явно не задалось. Надеюсь, остальные служащие замка будут более адекватными, иначе мне придется сменить прислугу. Кстати, о служащих...

— Господин капрал, как я понимаю, именно вы ответственные за местный гарнизон? Позаботьтесь о размещении

купленных припасов. Жду вас к ужину, нам с вами есть что обсудить.

— Слушаюсь, госпожа баронесса. Разрешите выполнять?

— Ступайте, — благосклонно согласилась я, размышляя, достаточно ли дала времени, чтобы слуги успели собраться в главном зале. Тут же есть главный зал? В замке он определенно должен иметься.

Глубоко вдохнув и выдохнув, я кивнула Фреду, который наготове стоял возле двери. Дверь распахнулась. Выпрямив спину и вздернув подбородок, я шагнула в свой новый дом.

Слуги выстроились в один ряд — один мужчина и три женщины. Тамарис стояла чуть в стороне, словно давая понять, что уж она-то к слугам себя никак не относит, еще и подбородок так презрительно вскинула, словно это не я, а она хозяйка замка.

— Госпожа баронесса Елена Тирсо! — Фред выступил вперед, представляя меня перед слугами.

Я скользнула взглядом по кучке слегка растерянno переглядывающихся между собой людей, понимая, что тут меня явно не ждали. Всего четыре человека, как же они управляют с такой громадиной? Чтобы следить за замком, нужно по крайней мере человек пятнадцать!

— Приветствую вас, госпожа баронесса! — Вперед вышел мужчина.

Навскидку я дала бы ему лет пятьдесят. Высокий, широкоплечий, с густой седой шевелюрой, в стареньком, но чи-

стом костюме, когда-то он явно был хорош!

— Я дворецкий, меня зовут Роберто, это моя жена Луиза.
— Он указал на стоящую рядом высокую худую женщину в сером платье и белом переднике.

— Мари, наша кухарка. — Румяная полноватая женщина присела в поклоне.

— Стася, служанка, следит за чистотой и порядком в комнатах.

Последней оказалась невзрачная шатенка лет тридцати, она тоже присела в глубоком реверансе, а после почему-то покосилась на Тамарис.

Из справочника по домоводству я уже знала, как распределяются роли среди слуг. Мужчины обычно стоят выше женщин. Вот и тут Роберто в роли дворецкого был главным над всеми остальными слугами. У него должны храниться ключи от всех помещений замка, хотя часть он может передать экономке.

Экономка должна подчиняться дворецкому, следить за работой кухни и всеми служанками, слуги мужчины ей не подвластны. Я снова покосилась в сторону разодетой смуглолицей красавицы.

Ну, с кухаркой и служанкой все понятно, с ними я познакомлюсь немного позже, а сейчас мне нужно как-то устроиться и узнать, как обстоят дела в замке. Помочь мне в этом может только дворецкий, вот с него и начнем.

Обращаясь к мужчине, я сложила губы в приветливую по-

дуулыбку:

— Роберто, как я понимаю, известия о моем приезде вы еще не получили? Думаю, вам нужно какое-то время, чтобы подготовить хозяйские покои. Со мной прибыла моя компаньонка госпожа Эбби, поселите ее недалеко от моих комнат.

Одним махом я произвела нянюшку в важные персоны. Не хочу, чтобы тут ее считали обычной служанкой, она самый близкий и дорогой мне человек в этом мире.

— Моя горничная Груня. Фред, личный помощник. Пожалуйста, позаботьтесь и об их размещении тоже. Со мной также прибыла подвода с продуктами и дилижанс с вещами. Возниц и лошадей следует накормить и устроить на ночлег, в обратный путь они отправятся завтра поутру. А теперь, пока готовятся мои покои, могли бы мы где-нибудь поговорить в спокойной обстановке? Фред, идешь с нами.

Если экономка не совсем глупа, она займется всеми неотложными делами, пока мы с Роберто будем обсуждать насущные проблемы. Я перевела взгляд на Тамарис, женщина смотрела на меня с такой злостью, что мне сразу стало неуютно. Странная она! Я нахмурилась, только проблем со слугами мне не хватало!

— Госпожа баронесса, прошу вас в библиотеку, там будет удобно поговорить, да и все расчетные книги я храню там же.

Роберто шел первым, за ним я, а затем уже Фред. Я решила, что ему тоже нужно быть в курсе всего, рассчитывая поставить своего человека заместителем дворецкого. Надеюсь,

он справится с этой ролью.

Библиотекой оказалось просторное помещение, заставленное высокими деревянными стеллажами, которые большей частью пустовали. Зато возле окна стоял добротный письменный стол, несколько кресел и стул, накрытый бараньей шкуркой.

Судя по слою пыли, библиотекой давно никто не пользовался, обжитым оставался только вот этот уголок со столом. Я выбрала одно из кресел, которое оказалось довольно жестким и неудобным, мужчины оставались стоять. Ну да, им же не по статусу сидеть в присутствии хозяйки.

— Садитесь, разговор у нас будет долгий.

Роберто аккуратно присел на краешек стула, Фред занял кресло чуть сбоку, чтобы одновременно видеть и меня, и дворецкого.

— Роберто, расскажите мне об устройстве замка, да и всей крепости. Весть о безвременной кончине супруга несколько подкосила мое здоровье, и у меня совсем не было сил подробнее ознакомиться с перечнем моего наследства.

Я говорила, а сама следила, как поведет себя мужчина. Он тяжело вздохнул, мне показалось, что его глаза даже заблестели от набежавшей слезы.

— Мы все очень любили господина Анри, молодой хозяин в детстве часто бывал в этих краях. Нам всем его будет очень не хватать!

Роберто говорил о своем прежнем хозяине с теплотой в

голосе, это вселяло надежду, что мы с ним найдем общий язык.

— Надеюсь, вы так же сумеете полюбить дочь господина барона. — Я положила руку на живот.

— Леди ждет наследника? — вскинулся дворецкий.

— Наследницу, — улыбнулась я. — Это подтвердил королевский лекарь.

— Леди, моя семья из поколения в поколение служит славному роду Тирсо. Если позволите, я позабочусь о вас и вашей дочери.

— Буду вам очень признательна, Роберто. — Я снова мягко улыбнулась мужчине. — А теперь, пожалуйста, введите меня в курс дела.

Разговаривали мы долго, из рассказа дворецкого я много узнала о своих новых владениях. На первом этаже замка располагался большой холл, именно в нем происходило мое знакомство со слугами. Библиотека, большой бальный зал, будуар для приема гостей и рядом с ним столовая. В задней части замка находилась кухня, кладовые и комнаты для слуг.

Помимо кладовых, на первом этаже в замке был вход в подвал, в котором также хранились припасы и бочки с вином. Правда, сейчас ни того ни другого почти не осталось. Вот уже двенадцать лет никто из хозяев здесь не проживал, лишь изредка приезжая поохотиться на горных козлов.

Второй этаж считался хозяйским. Там располагались две спальни, кабинет, будуар и детские покои из двух комнат (во

второй обычно проживала нянька или кормилица). Тут же находились две гардеробные для хозяйского добра.

Третий и четвертый этаж считались гостевыми, хотя частенько эти комнаты занимала подрастающая молодежь — там им было вольготнее, чем в детских покоях.

В башне имелось по комнате на каждом этаже, но не было мебели. Обычно в башне никто не жил, так как отопление там отсутствовало.

К замку прилежала конюшня и несколько хозяйственных построек, по большей части они тоже сейчас пустовали. За замком имелся небольшой дворик и что-то вроде огорода. Роберто с гордостью рассказывал, как в камне сначала выдолбили глубокие грядки, а потом в них подводами завозили плодородную землю. Но сейчас большая часть грядок пустует, Луиза сажает немного зелени и овощей, на большее просто не хватает рук.

Такие же грядки-клумбы были разбиты и перед входом в замок.

— Когда-то там росли чудесные розы, — мечтательно вздохнул Роберто, — но со временем многие из них погибли, спасти удалось только два куста.

Гарнизон располагался обособленно, казармы стояли впритык к воротам. Солдаты жили своим кругом, не вмешиваясь в замковые дела. У них имелись лошади особой породы. Низкорослые, выносливые, с крепкими ногами, животные были приспособлены к сложным горным дорогам. Сей-

час их в гарнизоне насчитывалось целых шесть штук.

Руководил гарнизоном уже известный мне капрал Джос Рэд, заместителем у него служил интендант Тони Райс.

— Молодой смышленный парень, не то что этот сухарь Рэд.

Я улыбнулась, понимая, что Роберто только что дал точную характеристику хмурому капралу.

Гарнизон жил отдельно, а вот столовался он от замковой кухни. Мари приходилось каждый день кормить по двадцать человек, а теперь еще и мы добавились. Нужно бы подыскать ей помощницу. Правда, сначала надо уточнить, как обстоят дела с жалованьем.

Лошади тоже кормились из замковых закромов. Если сезон привозилось из деревень долины, то овес и зерно приходилось закупать на рынке.

— Больно земли у нас тут бедные, ничего, кроме травы да дикого винограда, не растет, — вздохнул дворецкий.

Деревень было всего три, каждой руководил староста, он же собирал с деревенских жителей подати. На эти деньги замок и жил. На гарнизон хозяева замка выделяли отдельную денежную статью, а обмундирование и оружие солдаты получали от государства. Лошадей тоже. Правда, последние сами плодились, поддерживая популяцию.

Заговорили о податях и жалованье. Роберто вытащил из кармана небольшой ключик, отпер ящик стола и достал счетные книги. Подслеповато щурясь, он принялся перелистывать страницы, но я его остановила — это дело требует об-

стоятельного подхода. Сначала мне нужно переодеться и победать. Судя по всему, время обеда уже давно миновало, а мне сейчас следует думать не только о себе, но и о малышке.

В замке царила суэта, слуги сновали по лестнице, перетаскивая вещи. На ступенях я чуть не столкнулась с Тамарис, женщина спускалась, неся в руках охапку разноцветных платьев. Я на мгновение замерла, в голове мелькнула догадка: неужели она самовольно заняла хозяйские покои? Так вот откуда ее недовольство!

Мои подозрения подтвердились, когда я поднялась на второй этаж и застала Груню и Стасю за перестиланием постельного белья на широкой хозяйской постели. У двери отдельной кучкой лежали вещи, явно принадлежащие Тамарис. Во всяком случае, когда я подошла ближе, от них пахло терпкими духами с сильным ароматом мускуса.

Комнату заполняла разнокалиберная мебель, такое ощущение, что ее собрали со всех комнат и принесли сюда совсем недавно, вон даже ворс на ковре не успел примяться. Все столы, каминная полка и даже подоконник были заставлены различными безделушками, и снова в голове возникла мысль, что это дело рук Тамарис.

Мои сундуки были уже здесь, Эбби развешивала мои немногочисленные наряды на специальных подставках.

— Нянюшка, мне нужно переодеться!

Надо поберечь свое единственное приличное платье. А дома можно ходить в чем-нибудь попроще.

Сменив наряд на удобное платье из тонкой зеленой шерсти, я заметила, что сундук Эбби тоже тут. Я же хотела выделить ей покои недалеко от себя. Дворецкий упоминал о комнате няни, нужно взглянуть, подойдет ли та Эбби. Ведь вариантов немного, во вторую хозяйскую спальню нянюшка сама ни за что не поселится, да и не по статусу.

Насколько я поняла, детская должна располагаться сразу за дамским будуаром, через дверь от моей спальни. Служанки все еще суестились, приводя комнату в порядок, поэтому, прихватив Эбби, я вышла из комнаты, направляясь в детскую.

Открыла дверь и замерла на пороге. Прямо среди разбросанных на ковре подушек, прижавшись друг к другу, сидели две крохотные девчушки лет трех-четырёх, не больше. Две пары черных глаз с испугом смотрели на нас. Я замерла, не до конца понимая, что происходит и что делают эти малышки в хозяйской детской.

Глава 10

— Госпожа баронесса, ваши покои готовы! — раздался за спиной голос одной из служанок.

Я обернулась, позади в глубоком поклоне замерла Стася.

— Да, спасибо, — немного рассеянно ответила я.

Служанка выпрямилась, собираясь уходить, когда я ее окликнула:

— Подожди, кто эти малышки?

— Это? Августина и Аделина. — Женщина снова склонилась в поклоне, вот только ясности ее слова не прибавили.

— Чьи они? — решила я спросить немного по-другому.

Служанка задумалась, а потом с широкой улыбкой выдала:

— Так ваши они, госпожа баронесса!

Я подзависла. Когда это Елена успела обзавестись парочкой детей, да еще таких взросленьких? Судя по всему, когда они родились, Элене было лет четырнадцать, не больше. Или я чего-то не знаю?

— А подробнее можно?

Стася снова задумалась, а потом обрадовала новым ответом:

— Это вам лучше у Роберто спросить, он вам легче расскажет.

— У Роберто, — кивнула я, соглашаясь.

Ладно, сейчас пообедаю и все разужаю, мы все равно условились встретиться с дворецким в библиотеке.

— Кто присматривает за малышами? — задала я последний интересующий меня вопрос.

— Так я смотрю.

Поняв, что внятного ответа я от нее все равно не добыю, велела:

— Ладно, Стася, проводи нас в столовую, и можешь заниматься своими делами.

Мы снова спустились на первый этаж. Столовая располагалась в противоположной от библиотеки стороне. Длинная комната с длинным, словно подиум, столом. Солнечные лучи играли на потемневших от времени настенных панелях из полированного дерева. Когда-то тут было очень красиво, но сейчас кругом виделось запустение и упадок. Столешницу местами покрывали темные пятна, да и стульев, придвинутых к столу, я насчитала всего семь. Полы, как и на всем первом этаже, каменные. Каменная плитка явно плохо поддавалась уборке, и в солнечных лучах, кружась, плясали сотни пылинок.

Небольшая часть стола была застелена скатертью, тут же стояли столовые приборы на две персоны. Стася, кланяясь, унеслась докладывать, что госпожа баронесса изволит обедать, а я, отодвинув самый массивный стул, стоящий в торце стола, села и кивнула Эбби:

— Садись, нянюшка. Теперь ты моя компаньонка и должна обедать вместе со мной. Да и мне не так скучно будет.

Эбби неодобрительно покачала головой, но все же села на соседний стул, сложив руки на коленях.

Обед нам подавала Луиза. Я так пока и не поняла, чем именно в замке занимается она. Впрочем, сейчас пообедаю и уточню у Роберто, тем более вопросов у меня прибавилось.

На первое подали легкий овощной суп, на второе тоже были овощи. Помимо них, на стол поставили блюдо с сыром и тонкими лепешками. Как я уже поняла, в этих местах они заменяют привычный нам хлеб. На десерт подали темный густой мед и кувшин с травяным чаем.

Вспомнила зеленый чай, которым угощал меня мэр Лафкарда. Нужно узнать, есть ли в замке такой же. Я даже пожалела, что не уточнила этого, когда была на рынке, стоило бы купить немного.

Все было довольно вкусно, но почему нет мяса? В моем положении поститься на одних овощах вредно. Значит, добавляется еще один пункт: осмотреть кладовые на наличие в них провианта.

Луиза уже убирала со стола, и я попросила ее передать Роберто, что жду его в библиотеке. Теперь я уже немного ориентировалась в расположении комнат на первом этаже и без труда смогла найти нужную дверь.

Снова уселась в неудобное кресло, подумав, что не мешало бы положить на него подушку. Мебель была старая, с вы-

тертой от времени обивкой. Не знаю, чем набито сиденье, но даже через платье я ощущала комки и неровности.

Эбби пришла со мной, я уже пояснила ей, что молодой вдове обязательно положена компаньонка и теперь в ее обязанности входит всюду сопровождать меня и давать полезные советы.

— Нянюшка, я могу доверять только тебе! — шепнула, положив ладонь на ее сложенные на коленях руки.

Мое признание явно ее растрогало. Вот и хорошо, это ее немного успокоит. Тем более я и так уже не раз ловила на себе ее удивленные взгляды, ведь Эбби не могла не заметить, как сильно изменилась ее подопечная.

Скрипнула дверь, в библиотеку размашистым шагом вошел дворецкий. Замерев передо мной, он склонил голову в поклоне.

— Садитесь, Роберто, пора заняться делами. Для начала я хотела узнать, какие обязанности выполняют в замке слуги. Может, нужно нанять еще кого-нибудь? Ах да, чуть не забыла: заглянув в детскую, я увидела там двух маленьких девочек. Чьи они?

— Да теперь ваши, леди.

— Мои?

Я слегка опешила. Мне снова приписывают парочку детей, о которых я ни сном ни духом.

— Можете объяснить подробнее?

— Ох, простите, госпожа баронесса, я думал, вы в курсе.

Я отрицательно покачала головой.

— Августина и Аделина — дочери господина Анри от метрессы Тамарис.

Вот это сюрприз! Тамарис — бывшая жена моего мужа? Хотя разводов тут вроде не практикуют, тогда кто она? Мысли роем растревоженных пчел метались в голове, а дворецкий тем временем продолжал:

— Молодой хозяин познакомился с Тамарис в одной таверне, где та работала певичкой. Девушка ему понравилась, и он забрал ее в свой дом в качестве метрессы. Через год на свет появились две девочки. Господин Анри признал дочерей. Конечно, фамилии своей не дал, и претендовать на вхождение в род Тирсо малышки не могут, но молодой барон взял на себя ответственность за их жизнь и воспитание до самого совершеннолетия. После его смерти эти обязанности переходят вам, госпожа баронесса.

Вот это новость! Так, значит, метресса — это обычная любовница? Вернее, не обычная, а официальная. Не знала, что тут так можно!

— Девочки и Тамарис прибыли в замок всего несколько дней назад. Метресса поведала нам о гибели молодого господина, но ни слова не сказала о его женитьбе. Именно поэтому все решили, что она станет хозяйкой замка до совершеннолетия малышей, но, раз господин Анри успел жениться, у Тамарис теперь нет никаких прав на дочерей.

— Совсем никаких? — уточнила я. Суровые тут законы...

— Если пожелаете, вы можете выгнать Тамарис из замка, а с девочками вы вольны поступить по своему разумению, — кивнул дворецкий.

— Но нельзя же разлучать мать с детьми... — Я даже немного растерялась.

Эта женщина была настоящей женой Анри, а я даже не помню его лица... Теперь она никто, даже детей у нее отняли. Мне стало немного жалко эту красивую, но по-своему несчастную женщину.

А что делать мне? По закону Тамарис мне никто, теперь у нее даже нет права находиться в замке. Но и выгнать я ее не могу. Не по-человечески это. Придется решать и эту проблему.

— Где ее разместили?

— В комнатах для слуг.

— Хорошо, пусть пока будет там. Для начала нужно разобраться с расходами и доходами. Еще я хотела бы осмотреть весь замок и кладовые. Да, чуть не забыла: на ужин приглашен капрал Рэд, надо узнать, как обстоят дела во вверенном ему гарнизоне.

Несколько часов у нас ушло на то, чтобы просмотреть хозяйственные книги. Выводы были неутешительные: в казне оставалось всего несколько медяков.

— Весной завсегда так, — пояснил дворецкий. — Подати по осени собирают, деньги идут с продажи урожая и шерсти. На то год и живем. Припасы закупаем или свечи. Но свечи

больно дорогие, а магические накопители давно уже пусты, вот ежели бы какой маг их подпитал немного... — Роберто с надеждой глянул на меня.

Боюсь, тут я ему не помощник, сама о магии узнала только несколько дней назад, и как она проявляется — понятия не имею. Да и будь Елена магом, нянюшка бы об этом знала.

— Свечи мы купим, я выделю деньги. И на припасы тоже. Нужно составить список самого необходимого. Но сразу скажу: денег у меня немного, придется экономить или искать возможность заработать.

И я принялась расспрашивать Роберто, чем живут местные крестьяне. Как оказалось, большей частью держат коз и овец, продают шерсть и шкуры. Местами разводят дикий виноград, его тоже отвозят в город, но доход с этого совсем небольшой, да и товар сезонный. Еще селяне готовят козий сыр, но продукт это скоропортящийся, а в город не наездишься, по большей части они едят его сами.

Местами в самой долине земля вполне плодородна, но летом стоит такая жара, что вырастить что-то без полива довольно сложно. В горах берут начало несколько ручьев, один из них протекает через замок и водопадом стекает вдоль стены. Чтобы возить воду из ручьев, нужны лошади, а в деревнях они наперечет, и их берегут для поездок в город. Поэтому и сажают деревенские всего несколько грядок для личного пользования.

Можно было бы промышлять охотой на горных козлов,

эти звери в последнее время шибко расплодились, да только на это требуется разрешение хозяина земель, то есть мое.

Из тех же хозяйственных книг я поняла, что припасы закупаются только самые дешевые, большей частью крупы и мука. О молоке, яйцах и мясе упоминалось лишь несколько раз в год, по праздникам или во время приезда хозяина на охоту, что тоже бывало нечасто. За последние два года — ни разу.

Часть денег также уходила на дрова и кизяки. Деревьев в долине очень мало, а зимой в замке бывает довольно прохладно, да и пищу как-то готовить нужно.

Не заметила я и статьи расходов ни на ремонт замка, ни на одежду или обувь слугам. Да и само жалование у них было мизерное, можно сказать, работали они за пропитание и крышу над головой. То-то одежда у них так поношена. Только сейчас я заметила аккуратные заплатки на рукавах камзола Роберто.

Станков для производства тканей в стране слишком мало, ведь работают они на магических накопителях, отсюда и такая высокая цена на шелк и бархат. Те, кто победнее, правда, обходятся домоткаными холстинами, во многих деревнях холодными зимними днями женщины занимаются производством пряжи и грубой шерстяной ткани.

Я порадовалась, что додумалась набить один из сундуков тканью попроще, из нее можно пошить слугам новую форму. Нужно только найти толковую швею, но это позже, сей-

час надо с самыми насущными вопросами разобраться — с пропитанием.

На ведение дел гарнизона у дворецкого имелась отдельная книга. Там записывалось, сколько продовольствия поступило на кухню в том или ином месяце. Ежемесячно хозяин земель переводил определенную сумму на счет, открытый в банке Лафкарда. Получал их сам капрал Рэд. Вот только в прошлом месяце денег так и не поступило — видимо, господин барон не успел их перевести, да так и сгинул, а в этом месяце, который наступил как раз два дня назад, содержать гарнизон буду уже я.

Значит, содержание за прошлый месяц все же зажали! Интересно, можно его стребовать с наследника? Судя по записям в книге, сумма там не особо большая. Подробности выясню за ужином у капрала Рэда.

В общем, картина складывалась нерадостная. У меня закрались подозрения, что мне спихнули проблемные земли, от которых никаких доходов — одни расходы, да еще и обязательства по охране границы.

Мало того, на меня еще скинули любовницу мужа и их общих детей. Из слов Роберто я узнала, что Тамарис выселили из дома, который снимал ей молодой барон Тирсо, в тот же день, как пришло известие о его гибели. Девочек велели отвезти в этот замок, мать отправилась с ними. И, будь мой будущий малыш мальчиком, возможно, я бы о них так никогда и не узнала — ведь моими делами занимались бы

управляющие и дядюшка Анри.

От имени баронессы на содержание малышей выделялась бы небольшая сумма денег, а потом их бы выдали замуж и вовсе забыли. Насколько я поняла, именно такие условия ставились в тех документах, что передал мне Роберто.

На каждую из близняшек был составлен отдельный договор. Я лишь мельком взглянула на перечень обязательств опекуна малышей, которым теперь являюсь я. Более подробно решила ознакомиться с этими бумагами позже, потому как незаметно подкралось время ужина, скоро должен прийти капрал Рэд.

Осмотр самого замка и кладовых я отложила на завтра, этим мы займемся вместе с Луизой. Теперь я знала, что должность экономки занимает супруга Роберто.

Когда я с трудом поднялась с неудобного кресла, разминая уставшую спину, Роберто внезапно спросил:

— Госпожа баронесса, что делать с девочками? Переселить их в комнаты для слуг? Тамарис теперь ведь не сможет подниматься на хозяйский этаж.

Я замерла. Если честно, понятия не имею, что с ними делать. Малышек было искренне жаль. Лишились отца и дома, дальняя дорога, незнакомое место и чужие люди — само по себе стресс. Что делать с их матерью, я пока тоже не знаю.

— Пусть остаются в детской. Я займусь их судьбой позже.

Глава 11

Капрал Рэд был все так же хмур и не улыбочив. Его место за столом находилось напротив Эбби. На ужин снова подали овощи и сыр, а так хотелось съесть куриную ножку.

Пока ужинали, за столом стояла гнетущая тишина, я думала о том, что узнала от Роберто, капрал, вероятно, не желал начинать разговор первым, а нянюшка так и вовсе чувствовала себя не в своей тарелке, сидя за одним столом с господами.

Допив бокал с чаем, я откинулась на спинку стула и принялась внимательно рассматривать сидящего наискосок от меня капрала. Тот запыхтел, видимо, мое пристальное внимание несколько его смутило. Помучив его еще немного, я заговорила.

— Господин капрал, вы же понимаете, что нам придется как-то взаимодействовать друг с другом. Этот замок — единственное, что у меня есть, и уезжать отсюда я не собираюсь. Нравится вам или нет, но теперь я хозяйка этих земель, и в наших интересах найти общий язык. Конечно, я могу выделять небольшую сумму на пропитание гарнизона, даже нанять отдельную кухарку и больше о вас не вспоминать. С голода вы не помрете, но веселой жизни у вас не будет. Жаловаться на меня не получится — я одинокая вдова, что с меня

возьмешь? Но мы можем помочь друг другу сделать жизнь немного приятнее. Например, я разрешу вам охотиться на горных козлов, и в рационе солдат появится мясо, — говоря все это, я не сводила с мужчины пристального взгляда.

Капрал еще некоторое время сидел молча, я прямо видела, как мысли медленно ворочаются у него в голове, все же этот вояка такой тугодум!

— Что потребуется от меня взамен?

— Я хочу взглянуть на казармы солдат, может, им требуется еще что-то, кроме пропитания. Как я понимаю, за их жилье тоже отвечаю я?! Также мне нужно знать распорядок дня гарнизона, чем занимаются ваши подопечные.

— Это вам зачем? — насупился мужчина.

О, мой дорогой! Тут у меня под боком пятнадцать мужиков, и я сильно удивлюсь, если они заняты с утра до ночи. Это же сколько свободных рук! Роберто, например, упоминал, что их-то и не хватает на нашем огороде. Да мало ли куда их можно пристроить?!

— Поверьте мне — все для вашей пользы, вы точно не прогадаете!

Немного пожевав губами, капрал начал говорить.

Как я и думала, ничем особо полезным солдаты не занимались. Ежедневно четверо отправлялись в дозор. Двое дежурили на воротах и в сторожевой башне. Интендант занимался хозяйственными делами. Остальные семь человек часть дня посвящали тренировкам с оружием и уборке ка-

зарм. Все как я и думала — пустая трата времени, сомневаюсь, что казармы так загажены, что им требуется ежедневная уборка. Хватит там и одного-двух человек.

— Ежедневно вы будете выделять мне несколько человек для работы в замке, а я подумаю, как сделать их и вашу жизнь удобнее и сытнее. Если согласны, уже завтра можете отправляться на первую охоту. Ответ дадите утром, а сейчас прошу меня извинить — дорога была дальняя, — с этими словами я встала из-за стола, прекрасно понимая, что быстро ответа мне не получить.

Капрал вскочил следом, выглядел он очень задумчивым. Ничего, пусть думает, не просто так же он жалованье получает.

За окном надвигались вечерние сумерки, темнело здесь быстро, словно кто-то резко выключил свет. Вот вроде только что было светло, моргнешь — а вокруг уже темнота.

Мы с Эбби поднялись на второй этаж. Комнату для нянюшки так и не выделили, поэтому она разложила привезенную из дома перину прямо на полу моей гардеробной, благо места там хватало. Я же воспользовалась уборной, которая мало отличалась от туалета в доме отца Элены. А вот с водными процедурами тут имелись определенные проблемы — водопровода в замке не было. Его заменял тазик и кувшин, как на постоялом дворе. Еще одна проблема, которую тоже придется решать.

Переодевшись в ночную сорочку, подошла к окну. Хоро-

шо, что хоть стекла здесь есть. Толстые, немного мутные, но все же. Да и сама спальня, после того как из нее вынесли лишнюю мебель, стала довольно уютной.

Высота потолков около трех метров. Стены отделаны деревянными панелями примерно до середины — выше идет обычный камень. Там же, на каменном основании, встроены канделябры для свечей, сейчас совершенно пустые. Одинокий огарок стоит только на столике возле кровати.

Кровать широкая, на такой можно спать что вдоль, что поперек. На полу небольшой коврик, в остальном пол, так же как и во всем замке, выложен каменной плиткой, правда, здесь она вроде как слегка отполирована и смотрится вполне достойно.

В одну из стен вмонтирован камин, отделанный светлым с зеленоватыми прожилками мрамором. Красивый камень. Поддавшись внезапному порыву, я подошла ближе и провела ладонью по мрамору. Внезапно перед глазами вспыхнули разноцветные искры, а в голове скрипучим голосом нашего преподавателя геологии раздалось: «Мрамор — метаморфическая горная порода, состоящая из кальцита CaCO_3 с примесями хлорита, дающего зеленоватый цвет. Твердость 2,5, плотность 2,2».

Не поняла, что это сейчас было? Я тряхнула головой, отгоняя с глаз радужные мушки. То, что передо мной мрамор, я и так знала, а тут и состав, и другие показатели. Неужели так устала, что мне разная ерунда мерещиться стала?!

А если не ерунда? Я замерла, глядя на камин, словно это неведомый зверь, который вот-вот может меня укусить. Решившись, снова положила ладонь на прохладную гладкую поверхность, и опять в голове раздался скрипучий старческий голос, правда, теперь он добавил, что мрамор — это перекристаллизованный известняк, состоящий в основном из кальцита.

Ничего нового я, конечно, не узнала, но сам факт произошедшего меня поразил настолько, что я еще какое-то время стояла, пялясь на заставленную безделушками мраморную полку.

Сделав несколько шагов назад, остановилась, скользнув взглядом по комнате. Затем решительно взяла пуфик, подвинула к ближайшей стене, забралась на него ногами и прикоснулась к тесно пригнанным друг к другу камням.

«Известняк — осадочная, обломочная горная порода, состоящая из карбоната кальция CaCO_3 ».

Не показалось! Что это может быть? Замок живой и разговаривает со мной? Но почему голосом старого профессора? Или это... и есть магия?!

Чтобы проверить свою теорию, я пересчитывала в комнате все, что только было можно. Голос в голове появлялся, только если я касалась предметов, сделанных из камня. На деревянную кровать он никак не отреагировал. Зато стоящая на каминной полке бронзовая статуэтка тоже получила описание металла, из которого состоит.

Это же мечта геолога! Мне бы эти способности да в прежней жизни, вот бы папа порадовался!

Вспомнила родителей, и на меня сразу накатила тоска. Решив оставить свои исследования на завтра, я потушила остаток свечи, забралась в кровать, обняла подушку и почти мгновенно заснула.

Утро наступило с деликатного шебуршения. Нянюшка уже проснулась и по привычке занималась мелкими бытовыми делами — именно сейчас она перекладывала с места на место вещи в моей гардеробной, ставшей на эту ночь ее спальней.

Я проснулась и некоторое время лежала не шевелясь, просто глядя на сводчатый потолок. Вчера столько всего случилось, мне требовалось немного свободного времени, чтобы спокойно все обдумать.

Когда нянюшка в третий раз тихонько выглянула из гардеробной, я, не выдержав, решительно встала с постели. Сначала осматриваю свои новые владения, а уж потом буду думать дальше.

Интересно, что там решил капрал Рэд? Устоит ли он перед моим предложением или заглотит приманку?

Капрал не устоял. Только я оделась и спустилась к завтраку, как Роберто доложил о визите начальника гарнизона. Тот пришел просить разрешения отправиться на охоту.

Получилось!

Теперь солдаты будут отрабатывать свое пропитание, уж я

об этом позабочусь! Лишние руки в замке ой как пригодятся! Сегодня, на свежую голову, я видела, что от его бывшего величия мало что осталось.

Слуги, нужно отдать им должное, как могли поддерживали чистоту и порядок. Но всюду виднелись следы упадка и бедности. Немногочисленные ковры выцвели и истончились от времени, мебель требовала починки, гобелены потускнели. Даже позолота на картинных рамах и та осыпалась.

Замок сейчас можно было сравнить с рукотворной каменной пещерой — холодной, дикой и непригодной для жизни. Кругом куда ни глянь — только серые каменные стены, и даже заглядывающие сквозь узкие окна солнечные лучи совершенно не исправляли ситуацию. Замок по-прежнему казался нежилым. Не было в нем того особого уюта, присущего домам, где кипит жизнь.

Может, все дело в том, что этот каменный монстр до сих пор никому не был нужен?

После завтрака экономка, при ближайшем знакомстве оказавшаяся очень милой женщиной, повела меня по комнатам. Сначала мы осмотрели кухню.

Что ж, чисто, серо, бедненько. Посуде не знаю даже сколько лет. Громоздкие кастрюли и сковороды могли напугать своим видом кого угодно, но кухарка Мари прекрасно с ними управлялась. Вдоль одной из стен расположились два очага. Один такой большой, что в нем с легкостью можно зажарить целого быка или барана. Вон и вертел торчит. Второй

очаг немного меньше, именно на нем и готовилась вся пища в замке.

На полу возле плиты я заметила несколько корзин с сухими ветками и непонятными коричневыми лепешками. Прямо у меня на глазах кухарка подхватила одну из лепешек и закинула в огонь.

На мой вопрос «Что это?» мне ответили:

— Кизяки!

Видя, что я так ничего и не поняла, Луиза пояснила, что это особый вид топлива, который изготавливают из высушенного на жарком южном солнце навоза домашних животных, налепив из него вот таких вот лепешек.

Сюда кизяки доставлялись из деревень. Они заменяли часть денежных податей, так и селяне были довольны, и замок справлялся с отсутствием дров.

«Дрова! Или другое топливо», — отметила я в голове первый пункт. Не знаю, какие тут зимы, но готовить пищу действительно как-то нужно. Да и камины не просто так установили.

Мы пошли дальше, осматривая полупустые шкафы, в которых по большей части находилась простенькая глиняная посуда. Между двумя такими шкафами я и обнаружила еще одну плиту, более привычного мне внешнего вида, чем сложенные из камней очаги.

— Что это? — Я с интересом рассматривала три круга, напоминающие блины на обычной электрической плите, вот

только электричества здесь и в помине не было.

— Да она уже лет двадцать как не работает, магический кристалл совсем разрядился, — махнула рукой экономка, открывая дверь в одну из кладовых.

В кладовке было просторно, а все оттого, что хранить здесь особо было нечего. Я сразу узнала стоящие в углу мешки с крупой, так удачно выторгованные мною на рынке. Кроме них, стояло еще несколько ящиков с фасолью и непонятным зерном, похожим на горох. На полках нашлись горшочки с медом, но их оставалось совсем мало.

Овощи и другие скоропортящиеся продукты хранились в подвале. Тут действительно было очень холодно, и чем дальше от входа находился отсек, тем холоднее там было. Впрочем, кроме нескольких корзин с купленными мной же овощами, здесь почти ничего не имелось.

Чем же они питались?

Ходившая за нами следом нянюшка совсем замерзла и оглушительно чихнула.

— Все выбираемся наружу, смотреть тут все равно особо нечего! — велела я, сама уже прилично продрогшая. Не хватало еще простыть! Здесь ведь и лекарств нормальных нет!

Вместо дальнейшего осмотра мы вернулись на кухню. Подойдя ближе к горящему очагу, я зябко передернула плечами, попросив:

— Мари, сделайте нам чаю.

Кухарка тут же засуетилась, налила стоящий на плите ки-

пяток в два симпатичных бокала и поставила все это на поднос, собираясь отнести в столовую.

— Мари, налейте еще один бокал, Луиза тоже сильно замерзла, и нам всем требуется немного согреться.

Сама бы я с удовольствием расположилась прямо здесь, возле горящего огня. Тут было тепло и вкусно пахло. Но Эбби так глянула на меня, что я поняла: ворчания потом не оберешься. Пришлось идти в столовую.

Горячий травяной чай быстро согрел нас, поднимая настроение. Через несколько минут к нам присоединилась и Луиза. Щеки экономки порозовели, она явно пила чай впопыхах, но в то же время в ее взгляде читалась благодарность.

Мы обошли весь первый этаж. Библиотеку я уже видела, туда заглядывать мы не стали. Бальный зал был огромен и пуст. Судя по толстому слою пыли на полу, в нем давно никто не бывал. Будуар, или, как я его окрестила, малая гостиная, тоже не пользовался популярностью. Но тут хотя бы стояли два дивана и три кресла, прикрытые сверху кусками старой ткани, которые, вероятнее всего, когда-то были оконными портьерами.

Ладно, мне эта комната пока тоже без надобности, поэтому идем дальше.

Хозяйский этаж был немного меньше, я мельком заглянула в комнату, практически повторяющую мою собственную спальню, только в более темных тонах. Скромно и безлико.

Напротив мужской спальни располагался кабинет, вот

здесь я немного задержалась — ведь мне нужно место для работы.

Кабинет мне понравился. Прямо возле окна стоял массивный деревянный стол, даже больше, чем его собрат в библиотеке. Одну стену от пола до потолка занимали полки, сейчас совершенно пустые, с другой стороны расположился диван, больше похожий на деревянную скамью со спинкой и подлокотниками, такое же кресло стояло возле стола.

Но самое главное находилось над диваном. Там висела огромная карта долины Лафкардия, такая подробная, что на ней можно было даже посчитать крыши домов в каждой из деревень. Конечно, эта карта во многом устарела, висит она тут, вероятно, уже очень давно. Но меня восхитил размах, с которым ее изготовили. Я коснулась кончиками пальцев краешка карты.

— Интересно, из чего ее сделали?

Я совсем не ожидала, что мне ответят, но, кажется, экономка знала о замке все!

— Это бараньи шкуры. Выделанные и сшитые между собой, — пояснила Луиза.

Уходить отсюда не хотелось, но меня ждала экскурсия по еще не осмотренным помещениям.

Кроме кабинета и спален, мы заглянули в еще один будуар, совсем небольшой и вполне даже уютный. Судя по всему, Тамарис успела приложить к нему руку. Небольшой камин, диван, кресло и маленький столик.

— Прекрасно подойдет для вечернего чаепития, — решила я, — особенно когда не хочется спускаться в огромную и пустую столовую.

Нашлись на этаже еще две бельевые комнаты, совсем небольшие. Одна совершенно пустая, на полках второй лежало несколько комплектов постельного белья и полотенца.

Эбби тут же заявила, что одна из бельевых отлично заменит ей спальню.

— Кровать поместится — и ладно! — Нянюшка цепким взглядом окинула пустующую комнату, явно уже все решив.

В детскую мы не пошли. Я не знала, что делать с находящимися там детьми, и поэтому решила не пугать их еще больше. Тем более Луиза сказала, что их уже покормили и Стася сейчас там за ними присматривает.

На третьем этаже, имеющем форму правильного квадрата, находились четыре гостевые комнаты. Экономка сразу извинилась за толстый слой пыли на полу — сюда уже давно никто не поднимался. Правда, судя по узким маленьким следам, ведущим от двери к двери, недавно все же кто-то наведался.

Комнаты были безликие, похожие друг на друга: широкая кровать, кресло, шкаф и столик у окна. В двух комнатах имелись камины, две другие, как я поняла, отапливались задней стенкой этих каминов. Что же, удобно и экономно!

Четвертый этаж повторял предыдущий, только в очень уменьшенном варианте. В комнатах стояло по узкой кроват-

ти, шкаф заменяли открытые полки, а стульев и столов и во-
все не было.

Одну из кроватей тут же присмотрела себе Эбби, осталось только спустить ее вниз. Я сказала, что она может брать тут все, что приглянется для обустройства ее новой комнаты. Правда, на кроватях даже матрасов не было, только голые деревянные топчаны. Вот и пригодится привезенная нами перина.

В башню мы не пошли. Тратить время на пустые помещения не хотелось, я немного устала, к тому же близилось время обеда.

Глава 12

На обед снова подали одни овощи и крупы. Я, конечно, своими глазами видела, как малы продовольственные припасы, но ведь есть куры. Кстати, надо бы узнать, как птички перенесли дорогу и где их устроили.

После обеда очень хотелось прилечь и вздремнуть пару часиков, но мне требовалось продолжить осмотр своих владений. Поэтому, собрав волю в кулак, я поднялась из-за стола, попросив Луизу показать прилегающую к замку территорию.

Для этого нам пришлось выйти на улицу, спуститься по каменным ступеням и двинуться вдоль стены замка. Надо сказать, хоть вся площадка перед замком и была выложена крупным булыжником, но кругом виднелись проросшие сквозь щели кустики травы, что придавало ей неопрятный вид. Вдоль дорожки тянулись две узкие прямоугольные клумбы, в одной я заметила два старых розовых куста, колючих и кособоких. Видимо, именно их упоминал дворецкий.

Мы прошли мимо больших каменных строений, одно из которых оказалось конюшней, сейчас пустующей, а другое Луиза назвала каретным сараем. Из названия я поняла, что там должен находиться транспорт.

Завернули за угол, и моим глазам предстала потрясаю-

щая картина. Задний двор замка представлял собой неровный вытянутый участок, окруженный высокой стеной. Почти все пространство разделялось на каменные квадраты и прямоугольники, засыпанные землей. Тут даже росло несколько деревьев, но самым невероятным было то, что в дальнем конце этого сада-огорода журчал самый настоящий водопад!

Небольшой, около метра шириной, он лениво струился по желобу, проложенному поперек стены, устремляясь в глубокую каменную чашу. Излишки воды перетекали в другой, более узкий желоб, который вел к другой стене, и сквозь специальное отверстие вода вытекала за пределы замка.

Я не поленилась, прошла вдоль желоба, но выглянуть за стену не смогла — слишком высоко.

— Что там? — Я кивнула на устремляющийся наружу ручеек. Луиза сразу меня поняла и пояснила:

— Небольшое озеро.

— Зимой вода не замерзает?

Меня интересовали любые нюансы. Как я поняла, это единственный источник воды в замке.

— Обычно нет, но в самые холодные зимы приходится забираться на стену и сбивать лед. А вот в начале весны, когда снег на вершинах гор начинает таять, приходится следить, чтобы нас не затопило. Мы тогда убираем из стены еще несколько камней, чтобы вода скорее сходила.

Я слушала ее и кивала, удивляясь, как тут все грамотно и удобно устроено. Видимо, когда-то хозяева всерьез занима-

лись благоустройством этого места.

Задний двор мне очень понравился, я уже решила, что поставлю возле деревьев столик и кресло. Буду сидеть здесь, наслаждаясь видом водопада и ароматом цветущих апельсинов.

Экономка показала, какие из грядок она использует для посадки. Их оказалось совсем немного, остальные захватила вездесущая трава. Выращивала Луиза в основном морковь, фасоль и помидоры. Грядки она использовала те, что расположены ближе к воде — ведь их нужно постоянно поливать. Да я и сама заметила, что несколько темных квадратиков заботливо обработаны. Кажется, там уже что-то росло.

Со слов Луизы, все выращенное на огороде ели они сами, солдатам Мари готовила отдельно из закупленных капралом Рэдом продуктов. Но мне эта практика не подходит, денег на прокорм гарнизона мне попросту неоткуда взять, значит, первым делом нужно привести в порядок огород.

— Луиза, а семена у тебя еще остались?

— Немного осталось, леди Елена, но совсем мало, — вздохнула экономка, когда я поделилась с ней своими планами.

— Тогда первым делом нужно составить список того, что требуется закупить в городе, особенно скороплодных культур. Если постараться, можно успеть собрать сразу два урожая! Сегодня же поговорю с капралом, чтобы выделил нам несколько солдат для перекопки грядок. Надеюсь, его охота

удалась и на столе наконец появится мясо!

Мое желание съесть кусок мяса становилось нестерпимым. Наверное, так сказывается мое интересное положение.

— Кстати, вчера мы привезли с собой несколько десятков кур, где они?

— С другой стороны замка есть несколько загонов для скота, кур разместили там. За ними пока Мари присматривает, кормит отходами со стола.

— Скотный двор — это хорошо. Нужно подумать, может, стоит завести корову или молочных коз, — вслух размышляла я. — В замке есть дети, им нужно молоко.

— Боюсь, леди, мы за всем не уследим, — робко подала голос Луиза.

— Об этом не беспокойся, будут тебе рабочие руки! — пообещала я.

Мы заговорили о покупке скотины, вот только расценок Луиза не знала, в городе она бывала редко, да и незачем ей туда ездить.

Тут она замолчала, но я и так поняла, что ездить в город без денег — так себе удовольствие, а с их-то жалованьем много не накопишь.

Нянюшка ходила за нами следом и по большей части молчала. Иногда я ловила на себе хмурые взгляды, словно она ревновала меня к экономке. Но это же для дела! Вот и сейчас она громко пыхтела за моей спиной.

— Эбби, ты не устала? — Я обернулась, замечая ее рас-

красневшееся от жары лицо. — Давай вернемся в замок и немного отдохнем. Луиза, попроси, чтобы Роберто и Фред спустили с верхнего этажа кровать и поставили ее в одной из кладовок.

— Все будет сделано, леди Елена. Разрешите идти?

— Да, Луиза, иди.

К моему удивлению, экономка не стала снова обходить замок по кругу. Луиза юркнула в неприметную дверцу, которая, скорее всего, вела в комнаты слуг. Я бы тоже не возражала вернуться короткой дорогой, но там я могу случайно столкнуться с метрессой Тамарис. Вот только я пока не готова ее видеть.

Я сама пока не понимала, что чувствую к этой женщине. Вроде как она любовница моего мужа, хотя я этого мужа и в глаза не видела. Зато ношу под сердцем его ребенка, понятия не имея, как выглядел его отец. Нужно уточнить: вдруг в замке какая картина есть с его изображением? Ладно мне этот муж на фиг не сдался, но что я скажу дочери? Извини, милая, но я ничего не помню?

За всеми этими размышлениями мы обогнули стену замка и вернулись к парадному входу. Возле ворот я заметила кучку мужчин в военной форме, все они с любопытством смотрели в нашу сторону. Интересно, я, как хозяйка замка, должна им представиться? В книге домоводства об этом ни слова не сказано. Спрошу Роберто.

У ворот чувствовалось явное оживление. Вот одна из

створок распахнулась, и в крепость въехали три всадника. Капрала Рэда я узнала сразу, он гарцевал впереди своего маленького отряда, за ним следовали еще два солдата. Судя по тому, как их встречали, явились они не с пустыми руками. Одобрительные выкрики долетали даже до нас.

Заметив меня, капрал махнул рукой своим спутникам и направил лошадь к ступеням замка. Когда они подъехали ближе, я заметила, что у каждого из солдат позади седла привязано по козлиной туше.

Возле крыльца все трое спешили, капрал легко взбежал по ступеням и почтительно склонил голову.

— Вижу, охота удалась? — Я улыбнулась. Всегда спокойный и невозмутимый капрал разительно изменился, его лицо еще хранило отпечаток недавнего азарта, глаза сверкали.

— Леди, с вашего разрешения мы добыли двух горных козлов! — Он еще раз поклонился и даже щелкнул каблуками, словно докладывал мне о победе над врагом.

Все же какие эти мужчины странные. Охота, рыбалка — боюсь, с этим не сможет конкурировать ни одна прекрасная леди!

— Поздравляю с удачной охотой, господин капрал! Надеюсь, вы разделите со мной ужин?

Да-да! Пришло время расплаты, господин Рэд! За ужином я собиралась обговорить детали нашей с ним сделки. Мне срочно нужны мужские руки для нашего огорода.

Капрал еще раз поклонился и вместе с солдатами скрылся

за углом замка. Добытые туши нужно еще разделать и передать на кухню. Неужели сегодня я поем мяса?! М-м-м! Рот наполнился слюной, я непроизвольно положила руку на живот, слегка поглаживая. Проголодалась моя малышка!

Ворота закрыли, солдаты разбрелись по своим делам. Погода радовала ярким солнышком, если так пойдет, лето наступит совсем скоро. Я подошла к стоящим у входа огромным каменным вазонам, наполненным землей. Тут отлично смотрелись бы яркие бархатцы или петунии, вот только в них росла вездесущая трава.

А вазоны были очень красивые, выдолбленные из цельного каменного куска. Я коснулась кончиками пальцев украшающих один горшок завитушек, и тотчас в голове послышался скрипучий старческий голос, перечислявший состав камня.

Ох ты ж! Я про него совсем забыла! Неужели это и есть магия? Кого бы расспросить? Я покосилась на стоящую рядом со мной Эбби и тут же отмела ее кандидатуру. Мало ей потрясений, она и так еще не привыкла к резкой перемене характера своей подопечной.

Поговорить с Роберто? Дворецкий показался мне мужчиной умным и рассудительным. Может, в библиотеке какие-нибудь магические книги найдутся. Хотя лично я представляла себе магию совсем по-другому. Волшебная палочка там, странные заклинания, огненные шары и все в таком стиле, а не анализатор горных пород, поселившийся в моей голове.

Хотя, может, я тоже могу ну огнями там пуляться, только этому учиться нужно?

Ладно, что-то я размечталась! Вон Эбби стоит рядом, переминаясь с ноги на ногу, устала моя старушка! Надо бы ее побережь. И как бы хорошо ни было на улице, пора возвращаться в замок, столько всего еще нужно успеть сделать!

— Пойдем, нянюшка, посмотрим, что можно сделать с твоей новой комнатой.

Глава 13

Фред и Роберто уже успели спустить с верхних этажей кровать для Эбби. Правда, она пока стояла в коридоре, так что нам пришлось пробираться бочком по стеночке.

Мужчины в это время аккуратно снимали полки в бывшей бельевой комнате.

— Пригодятся! — пояснил дворецкий.

Дерево здесь в большой цене, лесов ведь почти нет, кругом один камень, поэтому все дощечки складывались в каретном сарае и использовались потом для починки мебели и других нужд.

Я еще раз порадовалась, какие рачительные слуги мне достались. Это большое везение — получить таких помощников.

Мужчины сняли последнюю полку и наконец занесли кровать в крошечную комнатку. Места осталось, как раз чтобы поставить сундук Эбби и втиснуть небольшой столик или тумбочку.

Мне не очень нравилось, что стены комнаты сплошь из камня, нужно повесить к кровати коврик или гобелен. А еще тут не было окон.

— Не тревожься, голуба моя, — растрогалась нянюшка моей заботе, — я же тут только спать стану, а так весь день

подле тебя.

Я провела рукой по стене, проверяя: сухая ли? Не слишком ли холодная? И тут же снова получила перечень состава каменной стены, включая химические формулы. Да что же такое! Хоть перчатки надевай! Интересно: а за пределами замка это работает?

Пока мы топтались в коридоре, я несколько раз косилась в сторону детской комнаты. Оттуда не доносилось ни звука. Я небольшой знаток детей, но, по-моему, эта тишина слишком ненормальна, дети должны быть активны: смеяться, бегать, шуметь.

А еще я никак не могла собраться с силами и снова переступить порог детской. Умом понимала, что рано или поздно придется это сделать, Роберто подробно пояснил мне, что малышки полностью перешли под мою опеку и теперь только я за них в ответе.

Примут ли они меня? Смогу ли я относиться к ним как к своим собственным детям? Эта неизвестность пугала. Ведь у меня совершенно нет опыта общения с маленькими детьми. Когда родится моя малышка, думаю, сработает материнский инстинкт, я уже люблю ее всем сердцем! Но тут совсем другое. Это чужие дети!

— Нянюшка, ты пока обустройся, а у меня есть неотложное дело!

Собрав волю в кулак, я решительно сделала несколько шагов по коридору и распахнула дверь детской.

Девочки снова сидели на небольшом коврикe в ворохе подушек. Малышки замерли, две пары глаз боязливо уставились на меня. Что же они такие пуганые? Надеюсь, никто из слуг не посмел поднять на них руку? Я нахмурилась, подошла ближе, опустилась на колени на край ковра, пробежала взглядом по открытым ручкам, хорошеньким крошечным личикам. Ни синяков, ни ссадин не заметила.

Сестрички тесно прижались друг к другу, не сводя с меня блестящих темных глаз. Судя по всему, им года три, не больше. В этом возрасте дети вроде уже умеют говорить и прекрасно все понимают.

— Меня зовут леди Элена, я хозяйка этого замка, а как вас зовут? — Я постаралась улыбаться как можно приветливее и не делать резких движений, чтобы не напугать их еще больше.

Девочки вдруг схватились за руки, крепко переплетая крошечные пальчики, потом одна из них заговорила красивым мелодичным голоском:

— Я Аделина, а это Августина. Она боится.

— Боится? — Я удивилась. Чего может бояться такая малышка? — Вы, наверное, скучаете по маме? — догадалась я.

— Нет, — отрицательно замотала головой Аделина. — Госпожа Тамарис редко заходит в нашу комнату.

— «Госпожа Тамарис»? — Я немного растерялась. Она что, им не родная мать? Что-то я совсем запуталась.

— Она просила так себя называть. А когда к нам прихо-

дили гости или мы гуляли, госпожа Тамарис велела называть себя нашей старшей сестрой.

Малышка как-то совсем по-старушечьи вздохнула.

— А папа? Как зовут вашего папу?

— У нас нет папы, у нас был опекун, господин Анри. Он добрый, приносил подарки и сладости. Только дети не должны мешать взрослым общаться! — Малышка сурово сдвинула крошечные бровки, явно кого-то копируя. И я, кажется, догадываюсь кого.

— Кто же за вами присматривал?

— Няня Гуля. Она осталась в нашем старом доме, когда пришел тот сердитый господин и велел нам уезжать. — Девочка вдруг всхлипнула, но не заплакала и снова испуганно глянула на меня.

— Ничего страшного, теперь вы будете жить здесь, в этом замке. Здесь очень красиво, можно бегать по коридорам и играть в прятки!

— Дети не должны шуметь и тем более бегать! — серьезно ответила мне Аделина.

— Вы не будете нас шлепать и щипать, как госпожа Тамарис? — внезапно подала голос Августина.

— Шлепать? — Я снова растерялась. — Я никому не позволю шлепать детей в моем замке! И тут можно бегать, играть, шуметь и смеяться.

Я опять как можно приветливее улыбнулась им, но девочки только плотнее прижались друг к другу. Господи, как же

запуганы эти дети! Меня взяла злость на их непутевую мать, как можно обращаться так с собственными дочерьми?!

В детскую вошла Стася. Горничная явно не ожидала меня здесь увидеть, тем более сидящей на полу.

— Госпожа баронесса! А я пришла немного поиграть с девочками.

— Очень хорошо, давайте поиграем вместе.

Горничная неуверенно подошла к нам и опустилась на ковер с другой стороны. Малышки немного расслабились, Аделина даже улыбнулась. Кажется, горничная пришлась им по душе.

— Вам нравится Стася? — спросила я.

Две темные головки синхронно кивнули.

— Хотите, чтобы она стала вашей новой няней?

Теперь они закивали еще сильнее.

— Стася, перебирайся в комнату няни. Теперь ты будешь смотреть за девочками, кормить их, гулять с ними, играть. Вечером я хочу поговорить с тобой, жду тебя в своей комнате. А теперь давайте играть.

Среди подушек лежало несколько тряпичных кукол, я взяла одну из них в руки, с интересом рассматривая очень правдоподобно вышитое разноцветными нитками личико игрушки.

— Какая красивая! Как ее зовут?

— Это Полли, а это Мила. — Аделина взяла в руки похожую куклу, только в зеленом платье.

Малышки наконец расцепили ладошки и пока еще несмело посматривали на меня, но вроде контакт начал налаживаться. Я посидела с ними еще минут десять и, оставив их в компании новой няни, вышла из детской, решив приучать их к себе потихоньку. Девочки еще слишком малы, думаю, они быстро забудут все плохое, нужно только окружить их заботой и любовью.

А еще надо серьезно поговорить с их матерью, но сначала с Роберто и Стасей. Мне требовались подтверждения того, как Тамарис обращается со своими детьми.

В коридоре никого не было, я с минуту постояла, решая, чем заняться, потом направилась к кабинету, уселась за стол, взяв в руки грифельную палочку и пододвинув ближе чистый лист бумаги. Мне нужен план действий, чтобы ничего не забыть и не упустить из виду. Это занятие было мне привычно, именно так я планировала дела, будучи заместителем директора фермерского хозяйства. Там я отлично справлялась, значит, и тут справлюсь! У меня просто нет другого выхода!

Я просидела в кабинете почти до самого ужина. Эбби довольно быстро нашла меня и теперь тихонько дремала, сидя на диванчике, а я все писала, чертила таблицы и снова писала. За несколько часов успела набросать несколько бизнес-планов, теперь осталось понять, какой из них подходит именно нам.

Зато теперь я знала, какие вопросы нужно задавать. Например, меня интересовало поголовье овец и коз в моих де-

ревнях. Где они кормятся, хватает ли пастбищ? Я прекрасно знала, что многие страны сделали неплохие деньги именно на скотоводстве в горной местности.

Вторым пунктом у меня шел камень. Если его обрабатывать и возить туда, где на него есть спрос, будет ли это выгодно или доставка обойдется дороже прибыли?

Третьим пунктом стояло земледелие. Я геолог плюс ботаник, поэтому прекрасно знаю, что в таких вот долинах есть места с очень плодородной почвой. Роберто упоминал, что все тут упирается в полив, нужно узнать, можно ли как-то подвести к полям воду.

В памяти, словно кадры фото пленки, всплывали ступенчатые плато с ровными рядами виноградников, оливковые и апельсиновые рощи — то, что я успела увидеть на той недолгой экскурсии, что так нелепо для меня завершилась.

И лаванда. Целые лавандовые поля!

Я улыбнулась и добавила еще один пункт. Узнать, делают ли тут духи, отдушки, или есть другие производства, где можно использовать лавандовое масло. Лавандовые кустики, пока еще даже без бутонов, я видела у дороги по пути в замок.

А еще тюльпаны, море тюльпанов! Что, если накопать луковиц и попытаться с ними поэкспериментировать? Может, у меня получится вывести новые интересные сорта. Из истории я помнила, что бывали такие периоды, когда за несколько луковиц этих цветов можно было купить целый дом!

Заодно украшу тюльпанами пустующие клумбы.

Со счетов не стоит сбрасывать никаких мелочей, иногда даже самые бредовые идеи приносили своим хозяевам отличный доход!

— Леди Элена, — дверь приоткрылась, в кабинет заглянула Груня, — скоро ужин, давайте я вас причешу и помогу переодеться.

— Что? Уже?

Я совсем забыла, что ужинали тут рано, как и ложились спать. Ведь нужно все успеть, пока не стемнеет.

— Хорошо, Груня, уже иду.

Я убрала свои записи в ящик стола, поднялась с кресла, разминая уставшую шею. Зато плодотворно поработала, а работа всегда настраивала меня на нужный лад.

Наши голоса разбудили нянюшку. Эбби, побряхтывая, встала с жесткого сиденья, надо бы туда хоть плед кинуть, что ли. Вдвоем с Груней они быстро меня переодели в другое платье — ведь к ужину у нас гость, а значит, нужно соблюдать правила этикета, — заплели волосы в косу и с помощью шпилек подняли ее на макушку, еще и ленточки туда умудрились приколоть. Впрочем, получилось довольно мило.

Еще на подходе к столовой я учуяла запах жареного мяса. Рот наполнился слюной, я едва удержалась, чтобы не побежать, хотя, не будь у дверей капрала Рэда, может, я так и сделала бы.

— Леди Элена! — Капрал склонил голову в приветствии,

я кивнула в ответ. — Позвольте сопроводить вас к столу.

Я благосклонно подала ему руку, которую капрал положил на свой согнутый локоть, и тут же Роберто открыл перед нами дверь. Капрал довел меня до стола, помог сесть, только после этого уселся сам, а Эбби устроилась напротив него.

Подали запеченные овощи, очень похожие на картофель, только ярко-желтого цвета, а к ним по большому куску запеченного мяса. Исходящий от блюда аромат напрочь сносил мозг, хотелось вцепиться в этот сочный мясной ломоть двумя руками и поднести ко рту. Фух, вот это меня накрыло, никогда не знала, что так бывает. Я с трудом держала себя в рамках приличия. Взяла в руки трехзубую вилку и нож, отрезала себе небольшой кусочек.

Лишь после этого капрал и Эбби тоже взяли в руки столовые приборы, а я уже вовсю смаковала всю палитру вкуса мяса горного козла. Не думала, что этот вкус такой многогранный!

Меня отпустило, только когда я съела почти весь кусок. Неужели так будет всю беременность? Зато теперь, утолив первый голод, я могла нормально соображать. Когда все немного насытились, можно было и поговорить.

Сначала я расспросила капрала о прошедшей охоте, замечая, как вновь загораются азартом его глаза, а потом напомнила о нашем уговоре — ему охота, мне рабочие руки.

Договорились, что он добывает не больше двух козлов в неделю, при этом я поставила условие не трогать самок и де-

теньшей. Хоть Роберто и упоминал, что дикие козлы слишком расплодились и это может стать угрозой для деревенских пастбищ, истреблять их всех я не хотела. Нужно подумать и о будущем.

Взамен капрал выделяет мне четырех солдат, также на неделю, по прошествии которой будет их менять на новых. Сначала он настаивал всего на двух — по количеству козлов, но я все же сумела настоять на своем, пообещав кормить гарнизон нашим будущим урожаем.

— Считайте, что гарнизон будет выращивать эти овощи для себя. Да и солдатам физическая нагрузка не помешает. Как видите, господин капрал, для вас кругом только одни плюсы! И еще, я хотела спросить: куда вы деваете конский навоз?

Капрал чуть не подавился сдобной плюшкой, приготовленной нашей кухаркой на десерт.

— Навоз? — Он аккуратно положил плюшку назад на блюдо, глядя на меня круглыми от удивления глазами.

— Да-да, вы не ослышались, меня интересует конский навоз!

— Мы сбрасываем его за стену крепости. Это довольно далеко, запах не должен вас беспокоить.

— Меня не беспокоит запах, мне нужен этот навоз!

— Елена, голуба моя, как ты себя чувствуешь? — Нянюшка смотрела на меня такими же огромными глазами, как и капрал.

— Я чувствую себя отлично! Навоз мне нужен на огороде! Земля там давно не обновлялась, а конский навоз для этого лучшее средство!

На меня продолжали смотреть как на полоумную. Вздыхнув, я твердым, не терпящим возражения голосом сказала:

— Я так хочу! Скажите своим солдатам, что за каждую тележку навоза они будут получать на кухне сдобную булочку! Вozить они его могут в свое свободное время. У них же есть свободное время?

Капрал как-то неуверенно кивнул.

— Вот и отлично, договорились. Пусть завтра же приступают к работе!

Капрал впопыхах допил чай и откланялся. Я тоже уже была сыта, поэтому попросила Луизу, чтобы прислала ко мне Стасю, а потом я бы хотела поговорить с Роберто.

Глава 14

Стася явилась в мой кабинет буквально через несколько минут, я даже не успела сесть за стол, а все потому, что стоило нам подняться на хозяйский этаж, как Эбби принялась меня распекать, мол, негоже леди говорить про навоз, тем более за столом.

— Откель ты слов-то таких набралась? Знамо ли дело благородной девице о таком вслух говорить?!

— Из книжек, нянюшка, из книжек! — улыбалась я. После вкусного ужина мое настроение было нельзя испортить ничем, даже брюзжанием Эбби.

— А я всегда говорила, что книги — это зло! То ли дело вышивание!

— Ты не ворчи, нянюшка, лучше отдыхать иди, а я еще немного поработаю. Меня потом Груня спать уложит.

Эбби еще немного повздыхала, но все же отправилась обживать свою новую комнатку, а я поспешила в кабинет.

Стася поскреблась в дверь, а получив мое разрешение, вошла и остановилась у порога.

— Проходи, Стася, садись, устала небось весь день с детьми-то.

— Что вы, леди Елена, юные барышни такие смирные, от них никакого беспокойства, все сидят рядком да молчат.

— Прямо совсем смирные?

— Да я и сама удивляюсь, обычно-то детки шумные бывают, бегают, забавляются себе, а эти прям как маленькие старушки. Ой! — Женщина прикрыла рот рукой, подняв на меня испуганные глаза.

Значит, мне не показалось, и Стася, которая проводит с девочками довольно много времени, тоже это заметила.

— А их мать, она как с девочками обращается?

Горничная замялась, опустила глаза, затеребив руками передник.

— Стася, говори все как есть, об этом никто не узнает. Мне нужно решить, стоит ли разлучать малышей с матерью, все же теперь ответственность за их воспитание лежит на мне.

— Да как они приехали и разместились, госпожа Тамарис больше к дочкам и не заходила ни разу, — призналась горничная.

— А сама-то ты хочешь быть няней девочек? Если тебе не по нраву, я поищу кого-нибудь другого.

— Что вы, леди Элена, я очень деток люблю, только вот своих у меня так и случилось. Вы не сомневайтесь, я за юными барышнями как за своими детьми ходить буду!

— Хорошо, Стася, быть тебе няней девочек. Будешь каждый вечер отчитываться мне, как они провели день. И еще — малышам нужны прогулки на свежем воздухе. Можешь выводить их в сад, когда там никого не будет. Только к воде

близко не подходите, — предупредила я, вспомнив глубокий каменный водоем.

Стася ушла, я попросила ее позвать ко мне Роберто. Нам требовалось обсудить с ним очень много всего.

Дворецкий явился почти сразу, я даже подумала, не ждал ли он своей очереди прямо под дверью.

— Роберто, вы успели поужинать? — Я решила обращаться к нему на «вы», как бы выделяя среди остальных слуг, ведь он по сути являлся управляющим этого местечка. — Разговор у нас будет долгий.

Мужчина вроде как даже смутился от такого внимания.

— Ладно, Роберто, садитесь ближе к свету.

За окном уже начинало вечереть, и толстое стекло почти не пропускало побледневшие солнечные лучи. А еще я заметила, что дворецкий пристально щурится при чтении, у него явно проблемы со зрением. Интересно, есть тут очки?

Для начала я расспросила его о Тамарис. В отличие от Стаси, он не стал жаться и рассказал все как есть. Явившись в замок, метресса принялась устанавливать здесь свои порядки. Заняла хозяйские покои, да еще велела принести в них все понравившиеся ей вещи.

Дочерью она не занималась от слова «совсем». Единственной ее заботой было выбрать для них комнату. Зато метресса с удовольствием наряжалась каждый раз в новое платье и любила прогуливаться возле гарнизона, особенно когда капрал Рэд проводил там ежедневные боевые занятия со

своими подчиненными.

Роберто не сказал о Тамарис ничего плохого, не делал никаких выводов, но картину в целом обрисовал не очень радужную. Метресса оказалась из тех женщин, что любят наряды и внимание мужчин, не зря же она выбрала в качестве своей профессии сцену.

— Леди Элена, вы можете указать Тамарис на дверь и будете в своем праве. Все слуги будут на вашей стороне!

О как! Видать, красавица успела насолить всему замку, тут ее явно недолюбливают.

— Сначала я хочу поговорить с ней самой, узнать, есть ли куда ей пойти. Возможно, она сама решит уйти или захочет остаться подле своих дочерей.

Роберто только головой покачал, он явно не одобрял эту мою затею.

— Ладно, теперь давайте поговорим о делах!

Я выложила на стол наброски своего бизнес-плана. Начали мы, как я думала, с самого перспективного направления — с овец.

Какое поголовье держат крестьяне в деревнях, Роберто не знал.

— Это нужно со старостами поговорить.

Не в курсе он был и насчет того, сколько животных могут кормиться на моих землях без большого ущерба пастбищам. Рыночные цены он тоже знал лишь примерно. Почем и кому продают шерсть — тем более.

— Вот цены на мясо — это да, это я могу сказать!

Оно и понятно: в замке никогда не занимались такими вещами, а значит, придется встречаться со старостами деревень. Тем более я и сама об этом думала. А лучше всего, пока я еще могу свободно двигаться без ущерба для будущей малышки, самой объехать деревни и посмотреть, как живут вверенные мне люди.

Вот только это тоже оказалось не так-то просто. Лошадей в усадьбе не было, а те, что находятся в гарнизоне, мне неподвластны. А значит, придется снова идти на поклон к капралу Рэду.

— Да и повозки уже лет пять из сарая не выводили, смотреть их нужно, — вздохнул Роберто.

Получается, что мы отрезаны от всего остального мира? Случись что, я даже до города не смогу добраться!

— Так завсегда в деревне можно телегу нанять. — Сказав это, дворецкий осекся, видимо подумав: где телега — и где баронесса Тирсо? Хотя лично я не против. Если надо, и телега сгодится.

Значит, первым делом нужно озаботиться транспортом.

В земледелии Роберто понимал еще меньше, чем в овцах.

— Вот жена моя, Луиза, в этом хорошо разбирается, вы ее поспрашивайте.

— Хорошо, Роберто, завтра я с ней поговорю. Тем более капрал Рэд выделяет нам несколько солдат для работ на огороде.

Когда заговорили о добыче камня, Роберто удивил меня, рассказав, что у прежнего хозяина в горах имелись не то рудники, не то каменоломни. В те времена Роберто еще не был дворецким и несколько раз бывал в тех местах по поручению старого барона.

— В библиотеке должны храниться старые записи, — обрадовал он. Работать на основе старого всегда легче, чем создавать новое с нуля. Возможно, почитав записи старого барона, я пойму, стоит ли за это браться.

Насчет духов, лаванды и тюльпанов Роберто тоже посоветовал мне поговорить с его супругой, пообещав с утра заняться починкой одного из более-менее сохранившихся экипажей. Я посоветовала ему взять в помощники Фреда. А если еще руки понадобятся, так кого-нибудь из солдат выделим, с капралом договорюсь.

На том мы и разошлись.

Я еще какое-то время провела в кабинете, записывая свои мысли на бумагу, пока за мной не пришла Груня и не погнала меня спать, ругаясь, что барышням в моем положении нужно больше отдыхать, а не сидеть сиднем за столом, обложившись бумагами и толстыми книгами. Впрочем, свеча почти прогорела, а портить глаза действительно не стоило.

Убрав свои наработки в стол, я отправилась спать.

Утро следующего дня началось с уже привычного ритуала: Груня отдергивает с окна тяжелую бархатную портьеру, комнату тотчас заливают желтоватые лучи утреннего солн-

ца. Они такие яркие, что видно, как в воздухе танцуют мелкие пылинки. Я какое-то время еще лежу, давая себе немного понежиться, наблюдая, как горничная по очереди заносит ведра с горячей и холодной водой. Водопровода здесь нет, воду возят в специальной большой бочке до кухни, там ее согревают и уже после этого несут в комнаты.

Дверь снова открывается, и в спальню входит Эбби, это значит, что мне пора вставать. Вдвоем с Груней они помогают мне ополоснуться в высокой лохани, поливая сверху из ковшика. Затем меня насухо вытирают, подают нижнюю сорочку, и начинается следующая часть ритуала.

Сначала меня одевают в то платье, что выбрала Эбби, нянюшка никому не хочет уступать эту почетную обязанность, затем мои помощницы некоторое время спорят между собой, какую прическу следует сделать сегодня. Я, улыбаясь, наблюдаю за их милой перебранкой. Все это по-домашнему уютно, и я понимаю, что это и есть моя новая семья. Все, кто живет в этом замке, уже по-своему дороги мне.

Сегодня Груня осталась в комнате, чтобы немного прибраться, а мы с Эбби спустились на первый этаж, прошли по большому залу. Эхо шагов какое-то время преследовало нас, пока мы не зашли в столовую.

Тут вкусно пахло, я с радостью заметила на столе помимо каши еще и несколько вареных яиц. Все было очень вкусно, и завтрак доставил мне настоящее удовольствие.

Не спеша допила чай, потому что сейчас это утреннее ле-

нивое и размеренное время закончится, а впереди меня ждет работа.

— Луиза, жду тебя в своем кабинете.

Экономка присела в легком поклоне и быстро убрала со стола остатки завтрака и грязную посуду. Слуг так мало, что это приходилось делать ей самой.

Пока мы с нянюшкой поднимались по лестнице, Луиза успела закончить дела и догнать нас. В кабинет мы вошли вместе.

— Садись, Луиза, нам нужно составить план работ на ближайшие дни.

Экономка опустилась на предложенный стул, сложив, словно прилежная школьница, руки на коленях.

О том, что я договорилась с капралом Рэдом насчет солдат, она уже знала от своего супруга Роберто, а про навоз сама слышала, прислуживая за вчерашним ужином. Тут нянюшка не удержалась и снова влезла в наш разговор, уж больно ей не по нраву пришелся конский навоз.

Тогда я предложила оставить несколько грядок без удобрения и посмотреть на результаты. Я не сомневалась, что это будет заметно сразу же — по всходам.

Луиза сообщила, что успела перебрать остатки своих семян. Их хватит едва ли на треть огорода. Вместе мы составили список того, что нужно будет купить в городе. Упор делали на долгохранящиеся корнеплоды: морковь и местный аналог картофеля. Фасоль можно будет посадить из остат-

ков, что хранятся на кухне.

Перцы, томаты, баклажаны — все это здесь сажали сразу в почву, про рассаду и слыхом не слыхивали. К тому же сроки посадки этих культур давно упущены. Дыни и арбузы и вовсе считались баловством для детей и богатеев.

Значит, сажаем картошку!

А насчет рынка Луиза советовала погодить.

— Нужно сначала в деревнях поспросить, может, у кого что осталось, все будет дешевле, чем в городе!

А ведь она права, заодно узнаю, что тут еще выращивают.

Насчет лаванды и ее применения экономка только пожала плечами. Сама Луиза из замка почти не отлучалась, а дамы сюда приезжают редко, так что духи, масла и белое ароматное мыло тут большая редкость.

А тюльпаны — так вон их сколько! Кому они нужны?

После этого Луиза спешно ушла, требовалось показать солдатам фронт работ, объяснить, что делать. Я сидела и задумчиво постукивала грифельной палочкой по столу. Все оказалось намного сложнее, чем мне представлялось. Все, что я пока сумела, — это организовать посадку огорода, а ведь это капля в море.

Впрочем, некогда расслаживаться, нужно дела делать!

— Нянюшка, я хочу навестить малышей, ты со мной?

Эбби, как ни странно, очень настороженно относилась к девочкам, словно невзлюбила их с первого взгляда. Вот и сейчас, сославшись на дела, нянюшка решила отправиться

на кухню, проследить, что будут подавать на обед.

Августина и Аделина все так же сидели на ковре в ворохе подушек, словно я и не уходила. Правда, сегодня в их глазах не мелькало прежнего испуга, они даже несмело улыбнулись, когда я спросила, можно ли с ними поиграть. Аделина предложила мне свою куклу, и мы какое-то время увлеченно ползали по ковру, изображая, как куклы гуляют или ходят друг к другу в гости.

Пока играли, я как следует осмотрела детскую. Одна общая кровать, достаточно широкая, чтобы малышам было комфортно. У окна стол и три стула, здесь они, видимо, обедают. Большой массивный шкаф и рядом два сундука — их вещи?

Я вспомнила, как Тамарис таскала по лестнице охапки разноцветных платьев, а вот есть ли одежда у ее дочерей, я даже не знала. На девочках сейчас надеты совсем простенькие одинаковые платья. А ведь дети очень быстро растут. Даже если у них при себе есть какие-то вещи, они скоро станут малы.

Еще немного поиграв с малышами, я попрощалась. Впереди меня ждало самое тяжелое — разговор с их матерью.

Глава 15

Приглашать метрессу на хозяйский этаж мне не хотелось, поэтому я выбрала для разговора с ней библиотеку. Нашла прибирающуюся в одной из комнат Груню и попросила ее позвать Тамарис. Правда, перед этим я задала девушке несколько вопросов:

— Груня, хорошо ли ты устроилась? Может, тебе надо чего, ты говори, не стесняйся.

— Да что вы, леди Элена! Я отродясь так хорошо не жила! У меня собственная комната, с окошком!

Я вспомнила ее закуток в родительском доме и улыбнулась. Как мало для счастья нужно этой девушке.

— А по вечерам мы на кухне собираемся, сидим у очага, разговариваем. Мари, она столько смешных историй знает! И Фред тоже.

— А Тамарис, она тоже с вами сидит?

— Нет, — замотала головой Груня. — Тамарис из своей комнаты даже не выходит. Велит обед ей туда носить. И чуть что не так — сразу кричит или дурными словами ругается, очень обидными! Нехорошая она.

Вот и Груня подтвердила вздорный характер любовницы моего мужа. Я уже сильно сомневалась, что смогу с ней поладить, но поговорить все же нужно.

— Груня, позови Тамарис в библиотеку, скажи — я велела.

Горничная, оставив ведра и тряпки, умчалась выполнять мое поручение. Я только позавидовала ее жизнелюбью.

Прежде всего я заглянула в кабинет, захватила несколько листов бумаги и грифельную палочку, решив заодно провести ревизию библиотечных книг, вдруг что интересное попадется. Роберто упоминал про бумаги по старым рудникам, но сейчас дворецкий, скорее всего, занят в каретном сарае, отрывать его от дела не хотелось. Может, я и без него справлюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.